

Новое
в жизни,
науке,
технике

ЭНДЖИ

Подписная
научно-
популярная
серия

8 '90

Философия и жизнь

Эрих Фромм
ИСКУССТВО
ЛЮБВИ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ФИЛОСОФИЯ И ЖИЗНЬ

8/1990

Издается ежемесячно с 1960 г.

Эрих Фромм

ИСКУССТВО ЛЮБВИ

(ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИРОДЫ ЛЮБВИ)

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

**Перевод с английского
Л. А. Чернышевой**

Издательство «Знание» Москва 1990

ББК 87.3
Ф 91

Перевод с английского Чернышевой Ларисы Александровны
(кандидат философских наук, г. Минск)

Вступительная статья Телятниковой Эмили Максимовны (кандидат философских наук).

Редактор: КРАВЦОВА Л. К.

Эрих Фромм

Ф 91 Искусство любви. — М.: Знание, 1990. — 64 с. —
(Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Философия
и жизнь»; № 8).

ISBN 5-07-001421-8

15 к.

Книга немецко-американского психолога и социолога Э. Фромма (1900—1980) — это не абстрактное философское исследование, доступное лишь специалистам, не инструкция по взаимоотношению полов. Здесь тонкие психологические наблюдения автора, близкие и интересные каждому, естественно переходят в философские размышления о сущности человека, смысле его жизни, месте среди других людей. Э. Фромм показывает, как много места занимает любовь в нашей жизни и как мало мы знаем о ней, как плохо мы умеем любить.

0301030000

ББК 87.3

ISBN 5-07-001421-8

© Перевод на русский язык,
предисловие.
Издательство «Знание»,
1990 г.

© The Art of Loving.
First Harper Colophon edition published 1962.

Э. М. Телятникова,
кандидат философских наук

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Э. ФРОММА

Эрих Фромм¹ родился 23 марта 1900 г. во Франкфурте-на-Майне в благочестивой еврейской семье. Отец его торговал виноградным вином, дед и прадед по отцовской линии были раввинами. Мать Эриха — Роза Краузе происходила из русских эмигрантов, переселившихся в Финляндию и принявших иудаизм.

Семья жила в соответствии с патриархальными традициями добуржуазной эпохи — в духе религиозности, трудолюбия и тщательного соблюдения обрядов.

Эрих получил хорошее начальное образование. Гимназия, в которой он изучал латынь, английский и французский языки, пробудила в юноше интерес к ветхозаветным текстам. Правда, он не любил сказаний о героических сражениях из-за их жестокости и разрушительности; зато ему нравились истории об Адаме и Еве, о предсказаниях Авраама и особенно пророчества Исаии и других пророков.

Первая мировая война вызвала в душе 14-летнего юноши настоящее смятение; Эрих не мог ответить на волновавший его вопрос: что заставляет миллионы людей убивать друг друга?

В 1918 г. он начинает изучать психологию, философию и социологию во Франкфуртском, а затем Гейдельбергском университетах, где среди прочих его учителей были такие крупнейшие обществоведы, как Макс Вебер, Карл Ясперс и Генрих Риккерт. Э. Фромм рано знакомится с философскими работами Карла Маркса, которые привлекли его прежде всего идеями гуманизма, понимаемого как «полное освобождение человека, а также создание возможностей для его самовыражения»².

Другим важнейшим источником его личных и профессиональных интересов в 20-е гг. становится теория влечения Зигмунда Фрейда³. Дело в том, что первой женой Фромма была Фрида Райхман — умница, ученая, психоаналитик. И Эрих, который был значительно моложе Фриды, под ее влиянием увлекся клинической практикой психоанализа. Они прожили вместе всего четыре года, но на всю жизнь сохранили взаимное дружеское расположение и способность к творческому сотрудничеству.

Почти десять лет его судьба была связана с Франкфуртским институтом социальных исследований, который возглавлял Макс Хоркхаймер⁴. Фромм руководит здесь отделом социальной психологии, проводит серию эмпирических исследований среди рабочих и служащих и уже в 1932 г. делает вывод о том, что рабочие не окажут серьезного сопротивления диктаторскому режиму Гитлера*. В 1933 г. он покидает Германию, переезжает в Чикаго, а затем в Нью-Йорк, куда вскоре перебазировается и Хоркхаймер со своим институтом. Здесь они вместе продолжают изучение социально-психологических проблем авторитарности**, создают свое периодическое издание «Журнал социальных исследований». Однако из-за конфронтации с Адорно и Маркузе Фромм вынужден покинуть институт и навсегда распрощаться с франкфуртской школой.

Оторвавшись от «немецких корней», он полностью оказывается в американском окружении; работает во многих учебных заведениях, участвует в различных союзах и ассоциациях американских психоаналитиков, а когда в 1946 г. в Вашингтоне создается Институт психологии, психиатрии и психоанализа, Фромм активно включается в систематическую подготовку специалистов в области психоанализа.

Эрих Фромм никогда не был ординарным профессором какой-либо кафедры, он читал свой курс на «междисциплинарном» уровне, всегда умел не только связать воедино данные антропологии, политологии и социальной психологии, но и проиллюстрировать их фактами из своей клинической практики; он был воистину блестящим лектором и любимцем молодежи.

Но не в этом его главная заслуга, а в том, что он был большим мыслителем и великим гуманистом, предметом его пожизненного научного интереса был человек. И не стоит задумываться, в какой профессиональный или политический клан включить Фромма — считать ли его психологом или социологом, философом или культурологом, либералом или радикалом. Гуманистическое учение Фромма изложено не в одной или нескольких работах — оно пронизывает все его творчество. Собрание его трудов не уместается в

* Это было первое в Европе социологическое исследование ценностных ориентаций в больших и малых группах. Было проанализировано 600 анкет, в каждой 270 вопросов, направленных на изучение неосознанных мотивов поведения. Анализ показал, что рабочие, несмотря на революционные фразы в партии и профсоюзах, не станут препятствовать фашизму.

** Программа называлась «Авторитет и семья». По результатам этих исследований Фромм написал книгу «Бегство от свободы» (1941), которая сделала ему имя в Америке; позднее эти материалы были использованы Теодором Адорно в книге «Авторитарная личность».

рамки какой-либо одной научной дисциплины, и это естественно, ибо проблема человека в прямом смысле слова «междисциплинарная»⁵.

Концепция личности у Э. Фромма диалектична в самом высшем смысле этого слова. Эта диалектика органически вплетена в ткань его рассуждений о человеке XX в., жизнь которого полна противоречий. Биологическое и социальное, эгоизм и альтруизм, технократизм и гуманизм, подавление и свобода, пассивность и активность — вот те дихотомические пары, в которые воплощается изначальная дихотомия «иметь» или «быть». С категориями «иметь» и «быть» Фромм связывает две различные ценностные структуры, преобладание которых в индивиде определяет тип личности, а также все ее мысли, чувства и поступки.

Э. Фромм приходит к обоснованию необходимости изменения и человека и общества, утверждая, что без нового человека невозможно новое общество.

Основой будущего общества может стать лишь человек, способный интегрировать в себе любовь к людям и готовность отказаться от всех форм обладания ради подлинного бытия, понимаемого как способность жить без идолопоклонства и всегда быть внимательным к людям; потребность дарить людям свою любовь и солидарность, а также ощущать тепло и сочувствие своего окружения; вера в собственные силы, стремление познать самого себя, в том числе и сферу своего бессознательного; умение чувствовать свое единство со всем живым на Земле, то есть от мысли подчинить себе природу силой, желание вместо разрушения предложить ей взаимопомощь и сотрудничество.

Все эти требования к человеку Фромм считает выражением идей «радикального гуманизма», а отцом этих идей он называет Карла Маркса.

Фромм постоянно возвращается к своим «духовным предкам» — Карлу Марксу и Зигмунду Фрейду. Используя любую возможность представить их американскому читателю, он пишет предисловия и комментарии к английским изданиям К. Маркса, статьи и отдельные книги о жизни и творчестве З. Фрейда. Позднее Фромм так объяснит свои искания: «Я много лет пытался выделить и сохранить ту истину, которая была в учении Фрейда, и опровергнуть те положения, которые нуждались в пересмотре. Я пытался то же самое сделать в отношении теории Маркса. Наконец, я пытался прийти к синтезу, который следует из понимания и критики обоих мыслителей»⁶.

Причины пересмотра Фроммом концепции Фрейда достаточно очевидны. Это прежде всего бурное развитие науки, особенно социальной психологии и социологии. Это потрясение, которое Фромм сам перенес в связи с приходом к власти фашизма, вынужденной эмиграцией и необходимостью переключения на совершенно новую

клиентуру. Именно практика психотерапии на Американском континенте привела его к выводу о том, что неврозы XX в. невозможно объяснить исключительно биологическими факторами, что врожденные инстинкты — это совершенно недостаточная детерминанта поведения людей в индустриальном обществе.

Так Фромм приходит к созданию своей собственной концепции «нового человека и нового общества»⁷. Несмотря на все различия во взглядах радикальных гуманистов, их принципиальные позиции совпадают по следующим пунктам:

производство должно служить человеку, а не экономике;
отношения между человеком и природой должны строиться не на эксплуатации, а на кооперации;

высшей целью всех социальных мероприятий должны быть человеческое благо и предотвращение человеческих страданий;

не максимальное потребление, а лишь разумное потребление служит здоровью и благосостоянию человека.

Невозможно перечислить всех радикальных гуманистов, говорит сам Фромм, но если попытаться назвать самых главных, то это будут Г. Д. Торо, Р. У. Эмерсон, А. Швейцер, Э. Блох, И. Ильич, югославские философы из группы Праксис, политический деятель Э. Эпплер, а также многочисленные представители религиозных и других радикально-гуманистических союзов в Европе и Америке.

После второй мировой войны Фромм не вернулся в Германию. Все его научные интересы сосредоточились на обосновании «нового гуманизма», на создании типологии социальных характеров и на изучении отношений между человеком и обществом. Он поселился на берегу моря в Гуэрнавако (Мексика), работает профессором психоанализа в Национальном университете, сотрудничает с прогрессивными латиноамериканскими учеными, периодически выезжает с лекциями в США. Здесь он женится на «очаровательной Аннис», которая составила его счастье на долгие годы. По проекту Аннис они строят собственный дом на берегу океана, вместе изучают испанский язык и вместе путешествуют. В середине 70-х гг. они навсегда покидают Мексику и переезжают в Швейцарию, где и остаются до конца его дней.

50-е гг. примечательны особым вниманием к социально-теоретическим и социально-политическим проблемам. Среди трудов этих лет — лекции «Психоанализ и религия», анализ эпоса — «Сказки, мифы и сновидения» (1951) философская работа «Здоровое общество» (1955)*.

Он участвует в политической деятельности, в разработке программы Социал-демократической федерации (СДФ), в которую

* В немецком издании работа носит название: «Пути выхода из больного общества»

вступил ненадолго, пока не убедился, что социал-демократия сильно «поправела».

Немногие в нашей стране могут себе представить, что в начале 60-х гг., т. е. задолго до того, как кто-либо из политиков заговорил о возможности разрядки в международных отношениях, в частности между двумя сверхдержавами, Фромм писал о необходимости «здорового рационального мышления ради безопасности во всем мире»⁸. Но кое-кто помнит, что осенью 1962 г. Фромм приезжал в Москву, принимая участие в качестве наблюдателя в конференции по разоружению*.

Политическая и научная активность Фромма привлекала к нему людей гуманистической ориентации вне зависимости от их национальной и государственной принадлежности. В 1962 г. Фромм организовал конференцию по проблемам гуманизма, где гуманисты разных стран и народов получили возможность сформулировать главную цель гуманистического социализма: создание условий для самореализации свободного, разумного и любящего человека. Э. Фромм считал, что гуманистический социализм не совместим с бюрократической системой, с потребительством, вещизмом и бездуховностью. С этой платформы вместе с Э. Фроммом выступили философы Э. Блох и Б. Рассел, Г. Маркузе и И. Фетчер, а также М. Маркович, Г. Петрович, П. Враниcki, Адам Шафф и многие другие «реформ-коммунисты».

В 60-е гг. Фромм пишет научную автобиографию под названием «По ту сторону от иллюзий» (1962), а также важнейшие «труды своей души» — «Психоанализ и дзен-буддизм» (1960) и «Душа человека» (1964). В конце 60-х — начале 70-х гг. он занимается в основном исследованием корней и типов человеческой агрессивности. Результатом 5-летнего труда оказались два объемных произведения: «Революция надежды» (1968) и «Анатомия человеческой деструктивности» (1973). Последняя была оценена позднее в ученом мире как самостоятельная «теория личности». Здесь рассматривались разнообразные типы характеров и характеры отдельных личностей, включая такие, как Сталин и Гитлер. Эта книга усилила интерес к творчеству Фромма в Европе, который достиг апогея после публикации его последней крупной книги «Иметь или быть?» (1976).

Тема любви к человеку оказалась в центре фроммовской социально-философской концепции⁹, а книга «Искусство любви» (1956) стала бестселлером на долгие годы, была переведена на 25 языков мира, включая китайский, корейский, индонезийский, исланд-

* В 1974 г. сенатор Фулбрайт, опираясь на идеи Фромма, при его участии разработал концепцию разрядки международной напряженности.

ский. На английском языке книга разошлась несколькими тиражами (в количестве 5 млн. экз.).

Каково же отношение Эриха Фромма к проблеме любви? Он рано посчитал необходимым сделать теоретический анализ этой проблемы. Так, уже в начале 20-х гг. Фромм обнаружил и сформулировал различие между материнской и отцовской любовью к ребенку, которая состоит в том, что мать любит детей безотносительно к их заслугам, в то время как отец любит детей за послушание и за то, что обнаруживает в них свои собственные черты. Позже он не раз возвращается к этой проблеме, что позволяет сделать совершенно определенный вывод: способность любить занимает особое место в фроммовской концепции личности.

Способность любить дана не каждому — это редкостный дар и ценнейшее из искусств. Фромм считает, что этот дар открывает человеку путь к свободе, то есть к цели существования, и является одним из ведущих критериев при классификации социальных характеров.

Любовь — это единение одного человека с другим при условии сохранения их самобытности. Любовь — это действие, а не покой, активность, а не восприятие. Любить — это значит давать, а не брать. Человек отдает другому то, что представляется ему наиболее ценным, — часть своей жизни: чувства, знания, переживания. И делает это отнюдь не для того, чтобы получить что-то взамен: само «отдавание» является утонченнейшим наслаждением. И не только в отношениях полов любовь порождает любовь. Учитель не только учит, но и учится у учеников. Актер черпает свои силы у зрителей. Врач-психоаналитик лечится у своего пациента.

Любовь (во всех своих формах) зиждется на таких элементах, как забота, ответственность, уважение и знание.

Ответственность Фромм толкует, пожалуй, иначе, чем это принято. Обычно под ответственностью понимают нечто налагаемое извне, как что-то такое, что предложено, навязано или внушено человеку другими людьми, обществом и т. п. Однако Фромм доказывает, что, по существу, ответственность — это добровольное состояние души. Это готовность откликнуться на нужды и запросы другого существа.

Ответственность, таким образом, связана с заботой о ком-либо. С другой стороны, ответственность Фромм связывает с уважением. Уважение — это не то же, что страх или благоговение: оно предполагает способность воспринимать человека таким, каков он есть. В свою очередь, невозможно уважать человека без того, чтобы его не знать.

Любовь, по Фромму, — это деятельное постижение иного существа, такое познание, при котором происходит как бы слияние с ним. В любви, в самоотдаче человек открывает и находит себя, а вместе с собой — другую личность: «Я познаю человека».

Любовь — это наша собственная настроенность — такая, которая определяет наше отношение не только к конкретному «объекту» любви, но и ко всему мирозданию в целом. По Фромму, вопреки распространенному представлению о рождении любви это чувство обусловлено не конкретным объектом, а определенным личностным даром. Великое заблуждение считать, что сила любви к одному человеку доказывается безразличием ко всем остальным. Любовь есть всеобъемлющая духовная активность. Если я истинно люблю кого-нибудь, я люблю весь мир, я люблю жизнь.

Настоящая любовь встречается в индустриальном обществе редко. Даже любящие родители — это исключение из общего правила, как считает Фромм. А в браке словом «любовь» именуются совсем другие мотивы и чувства.

Исходя из своего опыта, Фромм приходит к выводу, что действительно любящие друг друга супруги — это исключение. В браке происходит разрушение даже иллюзии любви (влюбленности). И это случается как раз в тот момент, когда человек ощущает себя «обладателем» чудо-птицы любви. Когда партнеры, заключив брачный договор, утрачивают потребность «покорять», быть интересными, деятельными, изобретательными, т. е. направлять свои усилия на то, чтобы «быть» (выразить себя ярче, дать другому больше, вызвать ответную реакцию). К утрате любви (влюбленности) приводит чаще всего ошибочное представление, будто любовью можно обладать. Поэтому начавшийся любовью брак переходит нередко в содружество двух владельцев, в котором объединились два эгоиста.

Но суть проблемы не в браке, как таковом, а в потребительской структуре личности партнеров (да и общества, в котором они живут). Отсюда отношение к любви как к идолу (к одному из идолов), а не как к способу бытия, не как к самовыражению.

Поэтому все попытки изменить структуры совместной жизни (групповой брак, коллективный секс и др.) — это лишь стремление обойти трудности настоящей любви. Когда человеку выпадает счастье встретить «свою половину» и дар любить, он не нуждается в поиске новых партнеров, а выкладывается полностью в подлинной любви к одной, «своей половине».

В структуре личности, по Фромму, любовь занимает центральное место рядом с религиозным чувством и мировоззрением. Способности любить, дружить, дарить входят в ценностные ориентации личности и являются основой того самого типа личности, который ориентирован на подлинное бытие и который составляет надежду и опору гуманистического общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ До 1989 г. в нашей стране имя Эриха Фромма не входило ни в «Философскую энциклопедию», ни в словари, ни в учебники. Правда, его творчеству было посвящено несколько диссертационных исследований, но все они были написаны в рамках «критики буржуазных концепций», т. е. давали оценку Фромму лишь как представителю неопрейдизма. На русском языке впервые увидела свет книга Э. Фромма «Иметь или быть», которая в 1988 г. появилась в издательстве «Прогресс» с большими купюрами и лишь в 1990 г. будет опубликована в полном виде. После выхода сборника «Сумерки богов» (М.: Политиздат, 1989) имя Э. Фромма стало упоминаться довольно часто, и в справочной литературе 1989 г. появились короткие статьи о его творчестве («Философский словарь», «Словарь по эстетике», сборник «Религии мира» и др.). Наше предисловие к брошюре написано на базе немецкого Собрания сочинений Э. Фромма в 10 томах. Все сноски даны по изданию: Fromm E. Gesamtausgabe. Fr. am M. 1980—1982.

² Большинство работ Э. Фромма о К. Марксе помещено в V томе немецкого Собрания сочинений. Среди них главные: «Образ человека у Маркса» (1961), «Применение психоанализа к марксистской теории» (1965) и «Вклад Маркса в науку о человеке» (1968).

³ У Фромма есть целый ряд работ, посвященных Фрейдю, большая их часть входит в VIII том немецкого Собрания сочинений, включая две крупные работы: «Биография З. Фрейда» (1959) и «Психоанализ З. Фрейда — достоинства и недостатки» (1979).

⁴ Круг ученых, работавших с М. Хоркхаймером, известен у нас под названием франкфуртской школы. Наиболее авторитетными представителями этой «школы» наряду с ним и Э. Фроммом были Т. Адорно, Г. Маркузе и Л. Левенталь.

⁵ Для того чтобы получить представление о масштабах мышления этого ученого, достаточно привести одни только названия томов, в которых работы разных лет сгруппированы по тематическо-

му принципу: том 1 — Аналитическая социальная психология; том 2 — Аналитическая характерология; том 3 — Эмпирические исследования проблемы социального характера; том 4 — Теория общества; том 5 — Политика и социально-критический анализ социализма; том 6 — Религия; том 7 — Теория агрессивности; том 8 — Психоанализ; том 9 — Социалистический гуманизм и гуманистическая этика; том 10 — Справочная литература и примечания.

⁶ Fromm E. Gesamtausgabe.— Bd. 11.— S. 158.

⁷ Первым программным сочинением по этой проблематике считается его работа с английским названием «Man for himself» (1947), что приблизительно соответствует русскому «Человек в себе» и перекликается с кантовской категорией «вещь в себе». Название этой работы в немецком издании «Die seele des Menschen. Ihre Fähigkeit zum guten und zum Bösen» уточняет ее содержание: «Душа человека. Ее способность к добру и злу». Идея нового человека» одухотворяет все послевоенное творчество Фромма, особенно яркое выражение она нашла в работах: «Здоровое общество» (1955), «Образ человека у Маркса» (1961), «Анатомия человеческой деструктивности», «Иметь или быть?» (1976).

⁸ Fromm E. Es geht um den Menschen: Gesamtausgabe. — Bd. V; Fromm E. Kommunismus und Koexistenz. 1961. Gesamtausgabe. — Bd. V.

⁹ Проблемы любви рассматриваются во многих книгах, статьях, рецензиях Фромма: «Пол и характер» (1943); «Сексуальность и характер» (1948); «Мужчина и женщина», «Искусство любви» (1956); «Значение теории матриархата для современности» (1970).

Эрих Фромм

ИСКУССТВО ЛЮБВИ

ПРЕДИСЛОВИЕ ЭРИХА ФРОММА К КНИГЕ «ИСКУССТВО ЛЮБВИ»

Чтение этой книги принесет разочарование тому, кто ожидает доступной инструкции в искусстве любви. Эта книга, как раз напротив, ставит целью показать, что любовь — не сентиментальное чувство, испытать которое может всякий человек независимо от уровня достигнутой им зрелости. Она хочет убедить читателя, что все его попытки любви обречены на неудачу, если он не стремится более активно развивать свою личность в целом, чтобы достичь продуктивной ориентации, что удовлетворение в индивидуальной любви не может быть достигнуто без способности любить своего ближнего, без истинной человечности, отваги, веры и дисциплины. В культуре, где эти качества встречаются нечасто, обретение способности любить обречено оставаться редким достижением. Пусть каждый спросит себя: как много действительно любящих людей он встречал?

Однако сложность задачи не должна сдерживать стремления познать как эти трудности, так и условия их преодоления. Чтобы избежать искусственных усложнений, я старался изложить проблему на языке столь доступном, сколько это возможно. По той же причине я свел к минимуму ссылки на литературу о любви.

Для некоторых проблем я не нашел удовлетворительного решения, т. е. не сумел избежать повторения идей, высказанных в предыдущих моих книгах. Читатель, знакомый с «Бегством от свободы», «Человеком для себя» и «Здоровым обществом», найдет в этой книге много идей, высказанных в этих предшествующих работах. Тем не менее «Искусство любви» отнюдь не является в основе своей повторением уже известного. Эта книга содержит много идей, выходящих за пределы того, о чем я писал раньше, и (что вполне естественно) даже старые идеи вдруг обретают новую перспективу благодаря сосредоточенности на данном вопросе — вопросе искусства любви.

1. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЛЮБОВЬ ИСКУССТВОМ?

Является ли любовь искусством? Если да, то она требует знания и усилия. Или, может быть, любовь — это приятное чувство, испытать которое — дело случая, нечто такое, что выпадает человеку в случае удачи. Эта маленькая книга основана на первой предпосылке, хотя большинство людей сегодня, несомненно, исходят из второй.

Не то, чтобы люди считали любовь делом неважным. Они ее жаждут, они смотрят бессчетное количество фильмов о счастливых и несчастных любовных историях, они слушают сотни глупых песенок о любви, но едва ли кто-нибудь действительно думает, что существует какая-то необходимость учиться любви. Эта особая установка основывается на нескольких предпосылках, которые порознь и в сочетании имеют тенденцию способствовать ее сохранению.

Для большинства людей проблема любви состоит в том, чтобы быть любимым, а не в том, чтоб любить, уметь любить. Значит, сущность проблемы для них в том, чтобы их любили, чтобы они возбуждали чувство любви к себе. К достижению этой цели они идут несколькими путями. Первый, которым обычно пользуются мужчины, заключается в том, чтобы стать удачливым, стать сильным и богатым настолько, насколько позволяет социальная ситуация. Другой путь, используемый обычно женщинами, состоит в том, чтобы сделать себя привлекательной, тщательно следя за своим телом, одеждой и т. д. Иные пути обретения собственной привлекательности, используемые и мужчинами, и женщинами, состоят в том, чтобы выработать хорошие манеры, умение вести интересную беседу, готовность прийти на помощь, скромность, непритязательность. Многие пути обретения способности возбуждать любовь к себе являются теми же самыми путями, которые используются для достижения удачливости, для приобретения полезных друзей и влиятельных

связей. Очевидно, что для большинства людей нашей культуры умение возбуждать любовь — это, в сущности, соединение симпатичности и сексуальной привлекательности.

Вторая предпосылка отношения к любви как к чему-то не требующему обучения, состоит в допущении, что проблема любви — это проблема объекта, а не проблема способности. Люди думают, что любить просто, а вот найти подлинный объект любви, или оказаться любимым объектом — трудно. Эта установка имеет несколько причин, коренящихся в развитии современного общества. Одна причина в большой перемене, произошедшей в XX в. в отношении выбора «объекта любви». В викторианскую эпоху, как и во многих традиционных культурах, любовь не была в большинстве случаев спонтанным, личным переживанием, которое затем должно было вести к браку. Напротив, брак основывался на соглашении — то ли между семьями, то ли между посредниками в делах брака, то ли без помощи таких посредников; он заключался на основе учета социальных условий, а любовь, как полагали, начнет развиваться с того времени, как брак будет заключен. В течение нескольких последних поколений всеобщим стало в западном мире понятие романтической любви. В Соединенных Штатах, хотя соображения договорной природы брака еще полностью не вытеснены, большинство людей ищут романтической любви, личного переживания любви, которое затем должно повести к браку. Это новое понимание свободы любви должно было в значительной мере повысить значение объекта в ущерб значению функции.

С этим фактором тесно связана другая характерная черта современной культуры. Вся наша культура основана на жажде покупать на идее взаимовыгодного обмена. Счастье современного человека состоит в радостном волнении, которое он испытывает, глядя на витрины магазина и покупая все, что он может позволить себе купить или за наличные, или в рассрочку. Он (или она) и на людей глядят подобным образом. Для мужчины — привлекательная женщина, для женщины — привлекательный мужчина — это добыча, которой они являются друг для друга. Привлекательность обычно означает красивую упаковку свойств, которые популярны и искомы на личностном рынке. Что особенно делает человека привлекательным — это зависит от моды данного времени

как в области физической, так и духовной. В 20-х гг. привлекательной считалась умеющая пить и курить, разбитная и сексуальная женщина, а сегодня мода требует больше домовитости и скромности. В конце XIX и в начале XX в. мужчина, чтобы быть привлекательным «товаром», должен был быть агрессивным и честолюбивым, сегодня он должен быть общительным и терпимым. К тому же чувство влюбленности развивается обычно только в отношении такого человеческого товара, который находится в пределах досягаемости собственного выбора. Я ищу выгоды: объект должен быть желанным с точки зрения социальной ценности, и в то же время должен сам желать меня, учитывая мои скрытые и явные достоинства и возможности. Два человека влюбляются тогда, когда чувствуют, что нашли наилучший объект, имеющийся на рынке, учитывая при этом границы собственного обменного фонда. Часто, как при покупке недвижимого имущества, заметную роль в этой сделке играют скрытые возможности, которые могут быть развиты со временем. Едва ли стоит удивляться, что в культуре, где превалирует рыночная ориентация и где материальный успех представляет выдающуюся ценность, человеческие любовные отношения следуют тем же образцам, которые управляют и рынком.

Третье заблуждение, ведущее к убежденности, что в любви ничему не надо учиться, состоит в смешении первоначального чувства влюбленности с перманентным состоянием пребывания в любви. Если двое чужих друг другу людей, какими все мы и являемся, вдруг позволят разделяющей их стене рухнуть, этот момент единства станет одним из самых волнующих переживаний в жизни. В нем все наиболее прекрасное и чудодейственное для людей, которые были прежде разобщены, изолированы, лишены любви. Это чудо неожиданной близости часто случается легче, если она начинается с физического влечения и его удовлетворения. Однако такого типа любовь по самой своей природе не долговечна. Два человека все лучше узнают друг друга, их близость все более и более утрачивает чудесный характер, пока наконец их антагонизм, их разочарование, их пресыщенность друг другом не убивают то, что осталось от их первоначального волнения. Вначале они не знали этого всего; их действительно захватила волна слепого влечения. «Помешательство» друг на друге — доказательство силы их любви, хотя

оно могло бы свидетельствовать только о степени их предшествующего одиночества.

Эта установка, что ничего нет легче, чем любить, должна оставаться преобладающей идеей относительно любви вопреки подавляющей очевидности противного. Едва ли существует какая-то деятельность, какое-то занятие, которое начиналось бы с таких огромных надежд и ожиданий и которое все же терпело бы крах с такой неизменностью, как любовь. Если бы это касалось какой-либо иной деятельности, люди сделали бы все возможное, чтобы понять причины неудачи, и научились бы поступать наилучшим для данного дела образом или отказались бы от этой деятельности. Поскольку последнее в отношении любви невозможно, то единственно адекватный способ избежать неудачи в любви — исследовать причины этой неудачи и перейти к изучению смысла любви.

Первый шаг, который необходимо сделать, — это осознать, что любовь — это искусство, такое же, как искусство жить: если мы хотим научиться любить, мы должны поступать точно так же, как нам предстоит поступать, когда мы хотим научиться любому другому искусству, скажем музыке, живописи, столярному делу, врачебному или инженерному искусству.

Какие шаги необходимы в обучении любому искусству?

Процесс обучения искусству можно последовательно разделить на два этапа: первый — овладение теорией; второй — овладение практикой. Если я хочу научиться искусству медицины, я должен в первую очередь познать определенные факты относительно человеческого тела и относительно различных болезней. Но даже когда я обрету все эти теоретические знания, я все же еще не смогу считаться сведущим во врачебном искусстве. Я стану мастером в этом деле после длительной практики, когда наконец результаты моего теоретического знания и результаты моей практики сольются в одно — в мою интуицию, составляющую сущность мастерства в любом искусстве. Но наряду с теорией и практикой существует третий фактор, необходимый для того, чтобы стать мастером в любом искусстве, — овладение искусством должно стать предметом наивысшего сосредоточения; не должно существовать в мире ничего более важного, чем это искусство. Это относится к музыке, медицине, к столярному

искусству, а также и к любви. И может быть, именно здесь содержится ответ на вопрос, почему люди нашей культуры так редко изучают это искусство вопреки их очевидным неудачам в нем. Вопреки глубоко коренящейся жажде любви почти все иное считается едва ли не более важным, чем любовь: успех, престиж, деньги, власть. Почти вся наша энергия употребляется на обучение достижению этих целей и почти никакой — на обучение искусству любви.

Может, достойными затраты сил на обучение надо считать только те вещи, при помощи которых можно приобрести деньги или престиж, а любовь, которая приносит пользу «только душе», но бесполезна в современном смысле, является роскошью, которой мы не вправе отдавать много энергии? Как бы там ни было, дальнейший ход рассмотрения в этой книге будет основываться на приведенном ниже разделении. Во-первых, я рассмотрю теорию любви — это займет большую часть книги, и, во-вторых, я рассмотрю практику любви — насколько можно вообще говорить о практике в этой как и в любой другой области.

II. ТЕОРИЯ ЛЮБВИ

1. Любовь — ответ на проблему человеческого существования

Любая теория любви должна начинаться с теории человека, человеческого существования. Хотя мы обнаруживаем любовь (вернее, эквивалент любви) уже у животных, их привязанность является в основном частью их инстинктивной природы; у человека же действуют лишь остатки этих инстинктов. Что действительно существенно в существовании человека, так это то, что он вышел из животного царства, из сферы инстинктивной адаптации, переступил пределы природы. И все же, однажды оторвавшись от нее, он не может вернуться к ней; однажды он был изгнан из рая — состояния первоначального единства с природой — и ангел с огненным мечом преградит ему путь, если он захочет вернуться. Человек может идти только вперед, развивать свой разум, находя новую гармонию, человеческую гармонию вместо дочеловеческой, которая безвозвратно утеряна. Когда человек рождается — как весь человеческий род, так и отдельный индивид, — он оказывается перенесенным из ситуации, которая была определенной, как определены инстинкты, в ситуацию, которая неопределенна, неясна,

открыта. Ясность существует только относительно прошлого, а относительно будущего ясно только, что когда-нибудь да наступит смерть.

Человек одарен разумом, он есть сознающая себя жизнь, он осознает себя, своего ближнего, свое прошлое и возможности своего будущего. Это осознание себя как отдельного существа, осознание краткости собственной жизни, того, что не по своей воле рожден и вопреки своей воле умрет, что он может умереть раньше чем те, кого он любит, или они раньше его, и осознание собственного одиночества и отделенности, собственной беспомощности перед силами природы и общества — все это делает его отчужденное разобщенное с другими существование невыносимой тюрьмой. Он стал бы безумным, если бы не мог освободиться из этой тюрьмы, покинуть ее, объединившись в той или иной форме с людьми, с окружающим миром.

Переживание отделенности рождает тревогу, оно является источником всякой тревоги. Быть отделенным — значит быть отторгнутым, не имея никакой возможности употребить свои человеческие силы. Быть отделенным — это значит быть беспомощным не способным активно владеть миром — вещами и людьми, это значит, что мир может наступать на меня, а я при этом не способен противостоять ему. Таким образом, отделенность — это источник напряженной тревоги. Кроме того, она рождает стыд и чувство вины. Это переживание вины и стыда в связи с отделенностью выражено в библейском рассказе об Адаме и Еве. После того как Адам и Ева вкусили от «древа познания добра и зла», после того как они ослушались (нет добра и зла, пока нет свободы послушания), после того как они стали людьми, высвободившись из первоначальной животной гармонии с природой, т. е. после их рождения в качестве человеческих существ, они увидели, что «они нагие, и устыдились». Должны ли мы предположить, что миф, такой древний и простой, как этот, несет в себе стыдливую мораль, свойственную XIX в., и что самая главная вещь, которую эта история желает нам сообщить, состоит в том, что они пришли в смущение, увидев, что их половые органы открыты посторонним взглядам? Едва ли это так. Понимая эту историю в викторианском духе, мы утратим главную ее мысль, которая, как нам кажется, состоит в следующем: после того как мужчина и женщина начали осознавать самих себя и друг друга, они осознали свою отдельность и свое различие из-за принадлежности к разным полам. Но как только они поняли свою отделенность, они стали чужими друг другу, потому что они еще не научились любить друг друга (что вполне понятно хотя бы из того, что Адам защищал себя, обвиняя Еву, вместо того чтобы пытаться защитить ее). Осознание человеческой отделенности без воссоединения в любви — это источник стыда и в то же время это источник вины и трево-

ги. Таким образом, глубочайшую потребность человека составляет потребность преодолеть свою отделенность, покинуть тюрьму своего одиночества. Полная неудача в достижении этой цели означает безумие, потому что панический ужас перед полной изоляцией может быть преодолен только таким радикальным отходом от всего окружающего мира, чтобы исчезло чувство отделенности, чтобы внешний мир, от которого человек отделен, сам перестал существовать.

Во все времена во всех культурах перед человеком стоит один и тот же вопрос: как преодолеть отделенность, как достичь единства, как выйти за пределы своей собственной индивидуальной жизни и обрести единение. Этот вопрос оставался тем же для примитивного человека, жившего в пещерах, для кочевника, заботившегося о своих стадах, для крестьянина в Египте, для финикийского купца, для римского солдата, для средневекового монаха, для японского самурая, для современного клерка и фабричного рабочего. Вопрос остается тем же самым, потому что той же самой остается его основа: человеческая ситуация, условия человеческого существования. Ответы различны. На этот вопрос можно ответить поклонением животным, людскими жертвами, милитаристским захватом, погружением в роскошь, аскетическим отречением, одержимостью работой, художественным творчеством, любовью к богу и любовью к человеку. Хотя существует много ответов, набор которых и является человеческой историей, — они тем не менее не бесчисленны. Напротив, если не брать в расчет малые различия, которые касаются скорее отдельных частных случаев, чем сути дела, то придется признать, что существует только ограниченное число ответов, которые были даны и могли быть даны человеком в различных культурах, в которых он жил. История религии и философии — это история этих ответов, их разнообразия, как и их ограниченности.

Ответ в определенной степени зависит от уровня индивидуальности, достигнутой человеком. У младенца «я» уже развито, но еще очень слабо, он не чувствует отделенности, пока мать рядом. От чувства отделенности его оберегает физическое присутствие матери, ее груди, ее тела. Только начиная с той поры, когда в ребенке развивается чувство своей отделенности и индивидуальности, ему становится недостаточно уже присутствия матери, и начинает возрастать потребность иными путями преодолеть отделенность.

Сходным образом человеческий род в своем младенчестве еще чувствовал единство с природой. Земля, животные, деревья все еще составляли мир человека. Он отождествлял себя с животными, и это выражалось в ношении звериных масок, поклонении тотему животного и животным-богам. Но чем больше человеческий род порывал с этими первоначальными узами, чем более он отделялся от природного мира, тем более напряженной становилась потребность находить новые пути преодоления отделенности.

Один путь достижения этой цели составляет все виды оргиа стических состояний. Они могут иметь форму транса, в который человек вводит себя сам или с помощью наркотиков. Многие ритуалы примитивных племен представляют живую картину такого типа решения проблемы. В трансовом состоянии экзальтации исчезает внешний мир, а вместе с ним и чувство отделенности от него. Ввиду того что эти ритуалы практиковались сообща, сюда прибавлялось переживание слиянности с группой, которое делало это решение еще более эффективным. Близко связано и часто смешивается с этим оргиастическим решением проблема сексуального переживания. Сексуальное удовлетворение может вызвать состояние, подобно производимому трансом или действием определенных наркотиков. Обряды коллективных сексуальных оргий были частью многих примитивных ритуалов. Кажется, что после оргиастического переживания человек может на некоторое время расстаться со страданием, которое во многом проистекает из его отделенности. Постепенно тревожное напряжение опять нарастает и снова спадает благодаря повторному исполнению ритуала.

Пока эти оргиастические состояния входят в общую практику племени, они не порождают чувства тревоги и вины. Поступать так — правильно и даже добродетельно, потому что это путь, которым идут все, одобренный и поощряемый врачевателями и жрецами; следовательно, нет причины чувствовать вину или стыд. Дело совершенно меняется, когда то же самое решение избирается индивидом в культуре, которая рассталась с этой общей практикой. Формами, которые индивид выбирает в неоргиастической культуре, являются алкоголизм и наркомания. В противоположность тем, кто участвует в социально одобренном действии, такие индивиды страдают от чувства виновности и угрызений совести. Хотя они пытаются бежать от отделенности, находя прибежище в алкоголе и наркотиках, они чувствуют еще большее одиночество после того, как оргиастические переживания заканчиваются, и тогда растет необходимость возвращаться в свое прибежище как можно чаще и интенсивнее. Мало чем отличается от этого прибежища сексуальное оргиастическое решение проблемы. В определенном смысле это естественная и нормальная форма преодоления отделенности и частичный ответ на проблему изоляции. Но для многих индивидов, чья отделенность не преодолима иными способами, источник сексуального удовлетворения обретает ту функцию, которая делает его не слишком отличным от алкоголизма и наркомании. Оно становится отчаянной попыткой избежать тревоги, порождаемой отделенностью, и в результате ведет к еще большему увеличению чувства отделенности, поскольку сексуальный акт без любви никогда не может перекинуть мост над пропастью, разделяющей два человеческих существа. Разве что на краткий миг.

Все формы оргиастического союза характеризуются тремя чер-

тами: они сильны и даже бурны; они захватывают всего человека целиком — и ум и тело; они преходящи и периодичны. Прямую противоположность им составляет форма единства, которая наиболее часто избиралась людьми как в прошлом, так и в настоящем: единство, основанное на приспособлении к группе, ее обычаям, практике и верованиям. Здесь мы опять же обнаруживаем значительное различие.

В примитивном обществе группа мала, она состоит из тех, кто связан меж собой узами крови и земли. С развитием культуры группа увеличивается: она становится сообществом граждан полиса, сообществом граждан большого государства, сообществом членов церкви. Даже бедный римлянин испытывал чувство гордости, потому что он мог сказать *civis romanus sum**. Рим и империя были его семьей, его домом, его миром. Единение с группой является еще и ныне в современном западном обществе преобладающим способом преодоления отдаленности. Это единство, в котором индивид в значительной степени утрачивает себя, цель его в том, чтобы слиться со стадом. Если я похож на кого-то еще, если я не имею отличающих меня чувств или мыслей, если я в привычках, одежде, идеях приспособлен к образцам группы, я спасен, спасен от ужасающего чувства одиночества. Чтобы стимулировать приспособляемость, диктаторские системы используют угрозы и насилие, демократические страны — внушение и пропаганду. Правда, между двумя системами существует одно большое различие. В демократических странах неприспособленность возможна и фактически отсутствует; в тоталитарных системах только некоторые редкие герои и мученики могут отказаться от послушания. Но вопреки этой разнице демократические общества демонстрируют поразительный уровень приспособленчества. Причина здесь в том, что должен же существовать ответ на запрос в единении, и если нет другого или лучшего ответа, тогда господствующим становится единение стадного приспособленчества. Только тот вполне может понять, как силен страх оказаться непохожим, отличающимся, страх отойти на несколько шагов от стада, кто понимает глубину потребности в единстве. Иногда этот страх не приспособиться рационализируется как страх перед практическими опасностями, которые угрожают неконформисту. Но на самом деле люди хотят приспособиться в гораздо большей степени, чем они вынуждены приспособляться. По крайней мере в западных демократиях.

Большинство людей даже не осознают своей потребности в приспособлении. Они живут с иллюзией, что они следуют своим собственным идеям и наклонностям, что они оригинальны, что они приходят к своим убеждениям в результате собственного раздумия большинства. Согласие всех служит доказательством правильно-

* Я — римский гражданин.

сти «их» идей. Поскольку все же существует потребность чувствовать некоторую индивидуальность, то такая потребность удовлетворяется при помощи незначительных отличий. Инициалы на сумке или свитере, вывеска с названием банковского кассира, принадлежность к демократической или, напротив, к республиканской партии, в клубу ЭЛКС а не в клубу Шрайнерс, становятся выражением индивидуальных отличий. Рекламируемый лозунг «это отличается» (it is different) показывает эту патетическую потребность в отличии, тогда как в действительности оно здесь малосущественно.

Эта всевозрастающая тенденция к уничтожению различий тесно связана с пониманием и переживанием равенства, как оно развилось в наиболее передовых индустриальных обществах. Равенство означало (в религиозном контексте), что все мы дети бога, что все мы обладаем одной и той же человеко-божеской субстанцией, что все мы едины. Оно означало также, что должны уважаться все различия между индивидами, что хотя и верно, что все мы составляем единство, но так же верно, что каждый из нас является уникальной сущностью, космосом в себе. Такое утверждение уникальности индивида выражено, например, в положении Талмуда «Кто сохранит одну жизнь, это все равно, как если бы он спас весь мир; кто уничтожит одну жизнь — это все равно, как если бы он уничтожил весь мир». Равенство как условие развития индивидуальности имело значение также в философии западного Просвещения. Оно означало (будучи наиболее ясно сформулировано Кантом), что никакой человек не может быть средством для целей другого человека. Все люди равны, поскольку все они цели, и только цели, и ни в коем случае не средства друг для друга. Следуя идеям Просвещения, социалистические мыслители разных школ определяли равенство как отмену эксплуатации, использования человека человеком независимо от того, жестоко это использование или «человечно».

В современном капиталистическом мире понятие равенства изменилось. Под равенством понимают равенство автоматов: людей, которые лишены индивидуальности. Равенство сегодня означает «тождество» в большей степени, чем «единство». Это тождество абстракций, людей, которые работают на одних и тех же работах, имеют похожие развлечения, читают одни и те же газеты, имеют одни и те же чувства и идеи. В этом положении приходится с некоторым скептицизмом смотреть на иные достижения, обычно восхваляемые, как на некие знаки нашего прогресса, как, например, равенство женщин. Нет необходимости говорить, что я не выступаю против равенства женщин; но положительный аспект этого стремления к равенству не должен никого вводить в заблуждение. Это часть общего стремления к уничтожению различий. Равенство покупается дорогой ценой: женщина становится равной, по-

тому что она больше не отличается от мужчины. Утверждение философии Просвещения *l'âme n'a pas de sexe* — душа не имеет пола — стало общей практикой. Полярная противоположность полов исчезает и с ней — эротическая любовь, основанная на этой полярности. Мужчина и женщина стали похожими, а не равными, как противоположные полюса. Современное общество проповедует идеал неиндивидуализированной любви, потому что нуждается в похожих друг на друга человеческих атомах, чтобы сделать их функцией в массовом агрегате, действующем исправно, без трений; чтоб все повиновались одним и тем же приказам и при этом каждый был бы убежден, что он следует своим собственным желаниям. Как современная массовая продукция требует стандартизации изделий, так и социальный процесс требует стандартизации людей, и их стандартизация называется равенством.

Единение посредством приспособления не бывает сильным и бурным. Оно осуществляется тихо, диктуется шаблоном и именно по этой причине часто оказывается недостаточным для усмирения тревоги одиночества. Случаи алкоголизма, наркомании, эротомании и самоубийств в современном западном обществе являются симптомами этой относительной неудачи в приспособлении. Более того, этот выход из проблемы затрагивает в основном ум, а не тело, и потому он не идет ни в какое сравнение с оргиастическим решением проблемы. Стадный конформизм обладает только одним достоинством: он стабилен, а не периодичен. Индивид осваивает образец приспособления в возрасте трех—пяти лет и впоследствии уже никогда не утрачивает контакта со стадом. Даже похороны воспринимаются человеком как значительное социальное дело, совершаются в строгом соответствии с образцом.

В добавление к приспособлению как пути спасения от тревоги, порождаемой одиночеством, следует учитывать другой фактор современной жизни: роль шаблона работы и шаблона развлечений. Человек становится, как говорят, «от девяти до пяти», частью армии рабочих или бюрократической армии клерков и управляющих. У него мало инициативы, его задачи предписаны организацией данной работы, и существует мало различия даже между теми, кто наверху лестницы, и теми, кто внизу. Все они выполняют задачи, предписанные структурой организации, с предписанной скоростью и в предписанной манере. Даже их чувства предписаны: бодрость, терпимость, надежность, чувство собственного достоинства и способность без трений вступать в контакт с другими людьми. Развлечения тоже сходным образом заданы, хотя и не так жестко. Книжки выбираются книжными клубами, фильмы и зрелища — хозяевами театров и кинотеатров, которые оплачивают рекламу. Отдых тоже унифицирован: в воскресенье — автомобильная прогулка, сбор у телевизора, партия в карты, дружеская вечеринка. От рождения до смерти, от субботы до субботы, с утра до вечера — все проявле-

ния жизни заданы заранее и подчинены шаблону. Как может человек, захваченный в эту сеть шаблона, не забыть, что он человек, уникальный индивид, тот единственный, кому дан его единственный шанс прожить жизнь, с надеждами и разочарованиями, с печалью и страхом, со стремлением любить и ужасом перед уничтожением и одиночеством?

Третий путь обретения единства состоит в творческой деятельности, в том, чтобы стать артистом или мастером. В любом виде творческой работы творческий человек объединяет себя со своим материалом, репрезентирующим внешний мир. Делает ли столяр стол, создает ли ювелир элемент драгоценного изделия, выращивает ли крестьянин свое зерно, рисует ли художник картину — во всех видах творческой деятельности творец и его предмет становятся чем-то единым, в процессе творения человек объединяет себя с миром. Это, однако, верно только для созидательного труда, труда, в котором я сам планирую, произвожу, вижу результат своего труда. В современном рабочем процессе клерка, рабочего на бесконечном конвейере мало что осталось от этого объединяющего свойства труда. Рабочий стал придатком машины или бюрократической организации. Перестал быть самим собой — а значит, для единения не осталось места, если не считать единения приспособления.

Единение, достигаемое в созидательной работе, не межличностно: единение, достигаемое в оргиастическом слиянии, — преходяще; единение, достигаемое приспособлением, — это только псевдоединение. Следовательно, они дают только частичные ответы на проблему существования. Полный ответ — в достижении межличностного единения, слияния с другим человеком, в любви.

Желание межличностного слияния — наиболее мощное стремление в человеке. Это наиболее фундаментальное влечение, это сила, которая заставляет держаться вместе членов человеческого рода, клана, семьи, общества. Неудача в его достижении ведет к безумию или уничтожению — уничтожению себя и других. Без любви человечество не могло бы просуществовать и дня. Однако ж, если мы называем достижение межличностного союза любовью, мы сталкиваемся с серьезной трудностью. Слияние может быть достигнуто различными способами, и различие их имеет не меньшее значение, чем то общее, что свойственно различным формам любви. Все ли они должны называться любовью? Или мы должны сохранить слово «любовь» только для особого вида единения, которое имеет идеальную ценность во всех великих гуманистических религиях и философских системах прошедших четырех тысячелетий истории Запада и Востока?

Как и во всех семантических проблемах, ответ может быть только произвольным. Важно, чтобы мы знали, какой вид единения мы имеем в виду, когда говорим о любви. Или мы имеем в виду любовь как зрелый ответ на проблему существования, или

мы говорим о незрелых формах любви, которые могут быть названы симбиотическим союзом. На следующих страницах я буду называть любовью только первую форму А начну обсуждение «любви» с последней.

Симбиотическое единство имеет свою биологическую модель в отношениях между беременной матерью и плодом. Они являются двумя существами и в то же время чем-то единым. Они живут «вместе» (sym-biosis), они необходимы друг другу. Плод — часть матери, он получает все необходимое ему от нее. Мать как бы его мир, она питает его, защищает, но также и ее собственная жизнь усиливается благодаря ему. В этом симбиотическом единстве два тела психически независимы, но тот же вид привязанности может существовать и в психологической сфере.

Пассивная форма симбиотического единства — это подчинение, или, если воспользоваться клиническим термином, мазохизм. Мазохист избегает невыносимого чувства изоляции и одиночества, делая себя неотъемлемой частью другого человека, который направляет его, руководит им, защищает его, является как бы его жизнью и кислородом. Мазохист преувеличивает силу того, кому отдает себя в подчинение: будь то человек или бог. Он — все, я — ничто, я всего лишь часть его. Как часть, я часть величия, силы, уверенности. Мазохист не должен принимать решений, не должен идти ни на какой риск; он никогда не бывает одинок, но не бывает и независим. Он не имеет целостности. Он еще даже не родился по-настоящему. В религиозном контексте объект поклонения — идол, в световом контексте в мазохистской любви действует тот же существенный механизм, что и в идолопоклонстве. Мазохистские отношения могут быть связаны с физическим, сексуальным желанием; в этом случае имеет место подчинение, в котором участвует не только ум человека, но и его тело. Может существовать мазохистское подчинение судьбе, болезни, ритмической музыке, оргиастическому состоянию, производимому наркотиком, гипнотическим трансом, — во всех этих случаях человек отказывается от своей целостности, делает себя орудием кого-то или чего-то вне себя; он не в состоянии разрешить проблему жизни посредством созидательной деятельности.

Активная форма симбиотического единства — это господство, или, используя психологический термин, соотносимый с мазохизмом, садизм. Садист хочет избежать одиночества и чувства замкнутости в себе, делая другого человека неотъемлемой частью самого себя. Он как бы набирается силы, вбирая в себя другого человека, который ему поклоняется.

Садист зависит от подчиненного человека так же, как и тот зависит от него; ни тот ни другой не могут жить друг без друга. Разница только в том, что садист отдает приказания, эксплуатирует, причиняет боль, унижает, а мазохист подчиняется приказу,

эксплуатации, боли, унижению. В реальности эта разница существенна, но в более глубинном эмоциональном смысле не так велика разница, как то общее, что объединяет обе стороны — слияние без целостности. Если это понять, то неудивительно обнаружить, что обычно человек реагирует по по-садистски, то по-мазохистски по отношению к различным объектам. Гитлер поступал прежде всего как садист по отношению к народу, но как мазохист — по отношению к судьбе, истории, «высшей силе» природы. Его конец — самоубийство на фоне полного разрушения — так же характерен, как и его мечта об успехе — полном господстве¹.

В противоположность симбиотическому единению зрелая любовь — это единение при условии сохранения собственной целостности, собственной индивидуальности. Любовь — это активная сила в человеке, сила, которая рушит стены, отделяющие человека от его близких; которая объединяет его с другими; любовь помогает ему преодолеть чувство изоляции и одиночества, при этом позволяет ему оставаться самим собой, сохранить свою целостность. В любви имеет место парадокс: два существа становятся одним и остаются при этом двумя.

Когда мы говорим о любви как об активности, мы сталкиваемся с трудностью, заключающейся в двузначности слова «активность». Под «активностью» в современном смысле слова обычно понимают действия, которые вносят изменения в существующую ситуацию посредством затраты сил. Следовательно, человек считается активным, если он делает бизнес, проводит медицинские исследования, работает на конвейере, мастерит стол или занимается спортом. Общее во всех этих видах активности то, что они направлены на достижение внешней цели. Что здесь не принимается во внимание — так это мотивация активности. Возьмем в качестве примера человека, побуждаемого к непрерывной работе чувством глубокой тревоги и одиночеством, или побуждаемого гордыней, или жадностью к деньгам. Во всех случаях человек является лишь рабом страсти, и его «активность» на самом деле есть не что иное, как «пассивность», потому что он подвергается побуждению, как жертва, а не творец. С другой стороны, человек, сидящий спокойно и размышляющий, не имея иной цели, кроме осознания себя и своего единства с миром, считается пассивным, потому что он не делает чего-либо. В действительности такое состояние сосредоточенной медитации это и есть высшая активность, активность духа, которая возможна только при условии внутренней свободы и независимости. Одна концепция активности — современная — имеет в виду использование энергии на достижение внешних целей; другая — использование присущих человеку сил независимо от того, осуществляется ли при этом внешнее изменение. Последняя концепция активности наиболее четко сформулирована Спинозой. Он проводил различие между аффектами, между активными и пас-

сивными аффектами, «действиями» и «страстями» В осуществлении активного аффекта человек свободен, он хозяин своего аффекта В осуществлении пассивного аффекта человек побуждаем чем-то, он объект мотиваций, которых сам не осознает Таким образом, Спиноза пришел к заключению, что добродетель и сила одно и то же² Зависть, ревность, честолюбие, любой вид жадности — это страсти любовь — это действие, реализация человеческой силы, которая может быть реализована только в свободе и никогда в принуждении

Любовь — это активность, а не пассивный аффект, это мощь, а не увлечение В наиболее общем виде активный характер любви можно описать посредством утверждения, что любить — значит прежде всего давать, а не брать

Что значит давать? Хотя ответ на этот вопрос кажется простым, он полон двусмысленности и запутанности

Наиболее широко распространено неверное мнение, что давать — это значит отказаться от чего-то, стать лишенным чего-то жертвовать Именно так воспринимается акт давания человеком чей характер не развился выше уровня рецептивной ориентации ориентации на эксплуатацию или накопление Торгашеский характер готов давать только в обмен на что-либо. Давать, ничего не получая взамен, — это для него значит быть обманутым³. Люди чья главная ориентация не продуктивна, воспринимают давание как обеднение Поэтому большинство индивидов этого типа отказываются давать Некоторые делают добродетель из давания в смысле пожертвования. Они считают, что именно потому, что давать мучительно, человек должен давать; добродетель давания для них заключена в самом акте принесения жертвы. Что давать лучше, чем брать — эта норма для них означала бы, что испытывать лишения лучше, чем переживать радость

Для продуктивного характера давание имеет совершенно иное значение. Давание — это высшее проявление силы. В каждом акте давания я осуществляю свою силу, свое богатство, свою власть. Такое переживание высокой жизнеспособности и силы наполняет меня радостью⁴ Я чувствую себя уверенным, способным на большие затраты сил, полным жизни и потому радостным. Давать — более радостно, чем брать, не потому, что это лишение, а потому, что в этом акте давания проявляется выражение моей жизнеспособности.

Нетрудно осознать истинность этого принципа, прилагая его к различным специфическим явлениям. Наиболее простой пример обнаруживается в сфере секса. Кульминация мужской сексуальной функции состоит в акте давания, мужчина дает себя, свой сексуальный орган женщине. В момент оргазма он дает свое семя, он не может не давать его, если он potentен. Если он не может давать, он — импотент У женщины этот процесс тот же, хотя и несколько

то сложнее Она тоже отдает себя, она открывает мужчине свое женское лоно, получая, она отдает. Если она не способна к этому акту давания — она фригидна. Акт давания происходит еще и в функции матери Она отдает себя развивающемуся в ее утробе ребенку, она отдает свое молоко младенцу, она отдает ему тепло своего тела Ей было бы больно не давать

В сфере материальных вещей давать означает быть богатым Не тот богат, кто имеет много, а тот, кто много отдает Скупец, который беспокойно тревожится, как бы чего не лишиться, в психологическом смысле нищий, бедный человек, несмотря на то, что он много имеет А всякий, кто в состоянии отдавать себя, богат Он ощущает себя человеком, который может дарить себя другим. Только тот, кто лишен самого необходимого для удовлетворения элементарных потребностей, не в состоянии наслаждаться актом давания материальных вещей. Но повседневный опыт показывает, что то, что человек считает минимальными потребностями, во многом зависит как от его характера, так и от его актуальных возможностей Хорошо известно, что бедняки дают с большей готовностью, чем богачи Однако бывает такая нищета, при которой уже невозможно давать, и она так унизительна не только потому, что сама по себе причиняет непосредственное страдание, но еще и потому, что она лишает бедняка наслаждения актом давания

Наиболее важная сфера давания — это однако, не сфера материальных вещей, а специфически человеческая сфера Что один человек дает другому? Он дает себя, самое драгоценное из того, что имеет, он дает свою жизнь Но это не обязательно должно означать, что он жертвует свою жизнь другому человеку Он дает ему то, что есть в нем живого, он дает ему свою радость, свой интерес, свое понимание, свое знание, свой юмор, свою печаль — все переживания и все проявления того, что есть в нем живого Этим даванием своей жизни он обогащает другого человека, увеличивает его чувство жизнеспособности Он дает не для того, чтобы брать; давание само по себе составляет острое наслаждение Но, давая, он не может не вызывать в другом человеке чего то такого, что возвращается к нему обратно истинно давая, он не может не брать то, что дается ему в ответ Давание побуждает другого человека тоже стать дающим, и они оба разделяют радость, которую внесли в жизнь В акте давания что-то рождается, и оба вовлеченных в этот акт человека благодарны жизни за то, что она рождает для них обоих В случае любви это означает, что любовь — это сила, которая рождает любовь, а бессилие — это невозможность порождать любовь Эта мысль была прекрасно выражена Марксом «Предположи теперь, — говорил он, — человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение, в таком случае ты можешь обменять любовь только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться

искусством, ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на людей, ты должен быть человеком, действительно стимулирующим идвигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть определенным, соответствующим объекту твоей воли, проявлением твоей действительно индивидуальной жизни. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна; и она — несчастье»⁵ Но не только в любви «давать» означает «брать». Учитель учится у своих учеников, актера вдохновляют его зрители, психоаналитика лечит его пациент при условии, что они не воспринимают друг друга как предметы, а связаны друг с другом искренно и продуктивно.

Едва ли стоит подчеркивать, что способность любви, понимаемой как акт давания, зависит от развития характера человека. Она предполагает достижение высокого уровня продуктивной ориентации, в этой ориентации человек преодолевает всемогущее нарциссическое желание эксплуатировать других и накапливать и приобретает веру в свои собственные человеческие силы, отвагу полагаться на самого себя в достижении своих целей. Чем более недостает человеку этих черт, тем более он боится отдавать себя — а значит, любить.

Кроме элемента давания, действенный характер любви становится очевидным и в том, что она всегда предполагает определенный набор элементов, общих всем формам любви. Это забота, ответственность, уважение и знание.

Что любовь означает заботу, наиболее очевидно в любви матери к своему ребенку. Никакое ее заверение в любви не убедит нас, если мы увидим отсутствие у нее заботы о ребенке, если она пренебрегает кормлением, не купает его, не старается полностью его обиходить, но когда мы видим ее заботу о нем, мы всецело верим в ее любовь. Это относится и к любви к животным и цветам. Если какая-то женщина скажет нам, что любит цветы, а мы увидим, что она забывает их поливать, мы не поверим в ее любовь к цветам. Любовь — это активная заинтересованность в жизни и развитии того, что мы любим. Где нет активной заинтересованности, там нет любви. Этот элемент любви прекрасно описан в притче об Ионе.

Бог повелел Ионе пойти в Ниневию предупредить ее жителей, что они будут наказаны, если не сойдут со своих пагубных путей. Иона отказался от этой миссии, потому что боялся, что люди Ниневии раскаются, и бог простит их. Он был человеком с сильным чувством порядка, но не любви. Поэтому при попытке к бегству он оказался в животе кита, символизирующего состояние изоляции и замкнутости, куда его перенесли недостаток любви и соли-

дарности. Бог спасает его, и Иона идет в Ниневию. Он проповедует жителям то, что бог поведал ему, и случается все то, чего он опасался. Люди Ниневии раскаиваются в своих грехах, исправляют пути свои, и бог прощает их и решает не разрушать город. Иона сильно рассержен и разочарован, он хочет, чтобы восторжествовала справедливость, а не милосердие. Наконец он находит некоторое утешение в тени дерева, которое бог заставил вырасти, чтобы защитить Иону от солнца. Но когда бог заставлял дерево увянуть, Иона впадает в уныние и сердито выражает богу недовольство. Бог отвечает: «Ты жалеешь растение, ради которого не трудился и которое не растил, которое за одну ночь само выросло и за одну ночь погибло. А я не должен спасти Ниневию, этот большой город, в котором более шести тысяч человек, не способных различить, что между их правой и левой рукой, да еще много скота?»⁶. Ответ бога Ионе должен быть понят символически. Бог показывает Ионе, что сущность любви — это труд для кого-то и содействие его росту, что любовь и труд нераздельны. Каждый любит то, для чего он трудится, и каждый трудится для того, что он любит

Забота и заинтересованность ведут к другому аспекту любви: к ответственности. Сегодня ответственность часто понимается как налагаемая обязанность, как что-то навязанное извне. Но ответственность в ее истинном смысле — это от начала до конца добровольный акт. Это мой ответ на выраженные или невыраженные потребности человеческого существа. Быть «ответственным» — значит быть в состоянии и готовности «отвечать». Иона не чувствовал ответственности за жителей Ниневии. Он, подобно Каину, мог спросить: «Разве сторож я брату моему?» Любящий человек чувствует себя ответственным. Жизнь его брата — это не только дело самого брата, но и его дело. Он чувствует ответственность за всех ближних, как он чувствует ответственность за самого себя. Эта ответственность в случае матери и ребенка побуждает ее к заботе главным образом о его физических потребностях. В любви между взрослыми людьми она касается в основном психических потребностей другого человека.

Ответственность могла бы легко вырождаться в желание превосходства и господства, если бы не было третьего компонента любви: уважения. Уважение — это не страх и благоговение; оно означает в соответствии с корнем слова (*rispicere* to look at) способность видеть человека таким, каков он есть, осознавать его уникальную индивидуальность. Уважение означает желание, чтобы другой человек рос и развивался таким, каков он есть. Уважение, таким образом, предполагает отсутствие эксплуатации. Я хочу, чтобы любимый мною человек рос и развивался ради него самого, своим собственным путем, а не для того, чтобы служить мне. Если я люблю другого человека, я чувствую единство с ним, но с таким,

каков он есть, а не с таким, как мне хотелось бы, чтоб он был в качестве средства для моих целей. Ясно, что уважение возможно, только если я сам достиг независимости, если я могу стоять на своих ногах без посторонней помощи, без потребности властвовать над кем-то и использовать кого-то. Уважение существует только на основе свободы *l'amour est l'enfant de la liberté* — как говорится в старой французской песне, любовь — дитя свободы и никогда — господства.

Уважать человека невозможно, не зная его; забота и ответственность были бы слепы, если бы их не направляло знание. Знание было бы пусто, если бы его мотивом не была заинтересованность. Есть много видов знания; знание, которое является элементом любви, не ограничивается поверхностным уровнем, а проникает в самую сущность. Это возможно только тогда, когда я могу переступить пределы собственного интереса и увидеть другого человека в его собственном проявлении. Я могу знать, например, что человек раздражен, даже если он и не проявляет это открыто, но я могу знать его еще более глубоко: я могу знать, что он встревожен и обеспокоен, чувствует себя одиноким, чувствует себя виноватым. Тогда я знаю, что его раздражение — это проявление чего-то более глубинного, и я смотрю на него как на встревоженного и обеспокоенного, а это значит — как на страдающего человека, а не только как на раздраженного.

Знание имеет еще одно, и более основательное, отношение к проблеме любви. Фундаментальная потребность в соединении с другим человеком таким образом, чтобы мог освободиться из темницы собственной изоляции, тесно связана с еще одним специфическим человеческим желанием, желанием познать «тайну человека». Хотя жизнь уже и в самих биологических аспектах является чудом и тайной, человек в его именно человеческих аспектах является непостижимой тайной для себя самого — и для своих ближних. Мы знаем себя, и все же, несмотря на все наши усилия, мы не знаем себя. Мы знаем своего ближнего, и все же мы не знаем его, потому что мы не вещь и наш ближний — не вещь. Чем глубже мы проникаем в глубины нашего существа или какого-либо иного существа, тем более цель познания удаляется от нас. И все же мы не можем избавиться от желания проникнуть в тайну человеческой души, в то сокровеннейшее ядро, которое и есть «он».

Есть еще один, отчаянный, путь познать тайну: это путь полного господства над другим человеком, господства, которое делает его таким, как мы хотим, заставит чувствовать то, что мы хотим; превратит его в вещь, нашу вещь, собственность. Высшая степень такой попытки познания обнаруживается в крайностях садизма, в желании и способности причинять страдания человеческому существу; пытать его, мучениями заставить его выдать свою тайну. В этой жажде проникновения в тайну человека, его и со-

ответственно нашу собственную тайну, состоит сущностная мотивация глубокой и напряженной жестокости и разрушительности. В очень лаконичной форме эта идея была выражена Исааком Бабелем. Он приводит слова офицера времен русской гражданской войны, который конем затоптал своего бывшего хозяина. «Стрельбой, — я так выскажу, — от человека только отделиться можно: стрельба — это ему помилование, а себе гнусная легкость, стрельбой до души не дойдешь, где она у человека есть и как она показывается. Но я, бывает, себя не жалею, я, бывает, врага час топчу или более часу, мне желательно жизнь узнать, какая она у нас есть...»⁷.

Мы часто видим этот путь познания в явной его форме, у детей. Ребенок берет какую-либо вещь и разбивает ее ради того, чтобы познать; или берет живое существо, жестоко обрывает крылья бабочке, чтобы познать ее, вывести ее тайну. Жестокость сама по себе мотивируется чем-то более глубинным желанием познать тайну вещей и жизни.

Другой путь познания «тайны» — это любовь. Любовь представляет собой активное проникновение в другого человека, проникновение, в котором мое желание познания удовлетворяется благодаря единению. В акте слияния я познаю тебя, я познаю себя, я познаю всех — и я «не знаю» ничего. Я обретаю таким путем — благодаря переживанию единства — знание о том, чем человек жив и на что способен, но это знание невозможно получить благодаря мысли. Садизм мотивирован желанием познать тайну, и все же я остаюсь таким несведущим, каким был и прежде. Я расчленил другое существо на части, и все, чего я достиг, — это разрушил его. Любовь — единственный путь познания, который в акте единения отвечает на мой вопрос. В акте любви, отдавания себя, в акте проникновения в глубь другого человека я нахожу себя, я открываю себя, я открываю нас обоих, я открываю человека.

Страстное желание узнать самих себя и узнать наших ближних выражено в дельфийском призыве «Познай себя». Это основная пружина всей психологии. Но ввиду того что желание это включает в себе познание всего человека, его сокровеннейшей тайны, то желание это никогда не может быть полностью удовлетворено познанием обычного рода, познанием только посредством мысли. Даже если бы мы знали о себе в тысячу раз больше, то и тогда мы никогда не достигли бы самой сути. Мы все же продолжали бы оставаться загадкой для самих себя, а также и наши ближние продолжали бы оставаться загадкой для нас. Единственный путь полного знания — это акт любви: он выходит за пределы мысли, выходит за пределы слова. Это смелое погружение в переживание единства. Однако познание мыслью, т. е. психологические знания, — это необходимое условие для полного знания в акте любви. Я должен познать другого человека и самого себя активно, чтобы было возможно увидеть, каков он в действитель-

ности или, вернее, чтобы преодолеть иллюзии, иррационально искаженный образ его, возникший у меня. Только если я познаю человеческое существо объективно, я могу познать в акте любви его глубочайшую сущность⁸.

Проблема познания человека аналогична религиозной проблеме познания бога. В конвенциональной западной теологии делалась попытка познать бога посредством мысли, рассуждая о боге. Пред полагалось, что человек может познать бога посредством своей мысли. В мистицизме, который представляет собой последовательный результат монотеизма (как я попытаюсь показать позднее), попытка познать бога посредством мысли была отвергнута и заменена переживанием единства с богом, в котором не оставалось больше места — и необходимости — для рассуждения о боге.

Переживание единства с человеком или в плане религиозном с богом не является актом иррациональным. Напротив, как отмечал Альберт Швейцер, — это следствие реализма, наиболее смелое и радикальное его следствие. Оно основывается на нашем знании фундаментальных, а не случайных границ нашего знания. Это знание, что мы никогда не «ухватим» тайну человека и универсума, но что мы все же можем обрести знание в акте любви. Психология как наука имеет свои пределы, и как логическим следствием теологии является мистицизм, так конечным следствием психологии является любовь.

Забота, ответственность, уважение и знание взаимозависимы. Они представляют собой набор установок, которые должны быть заложены в зрелом человеке, т. е. в человеке, развивающем свои созидательные силы, желающем иметь лишь то, что он сам создал, отказывающемся от нарциссических мечтаний о всезнании и всемогуществе, обретшем смирение, основанное на внутренней силе, возникающей в результате только истинно созидательной деятельности.

До сих пор я говорил о любви как преодолении человеческого одиночества, осуществлении страстного желания единства. Но над всеобщей жизненной потребностью в единстве возвышается более специфическая, биологическая потребность: желание единства мужского и женского полов. Идея этой поляризации наиболее сильно выражена в мифе о том, что первоначально мужчина и женщина были одним существом, потом были разделены на половинки, и поэтому каждая мужская половинка ищет прежнюю женскую часть себя, чтобы объединиться с ней опять. (Та же самая идея первоначального единства полов содержится в библейской истории о том, что Ева была создана из ребра Адама, хотя в этой истории, в духе патриархальности, женщина считается существом второстепенным). Значение мифа достаточно ясно. Половая поляризация заставляет человека искать единства особым путем, как единства с человеком другого пола. Полярность между мужским и жен-

ским началом существует также внутри каждого мужчины и каждой женщины. Как физиологически каждые мужчина и женщина имеют противоположные половые органы, так же двуполы они и в психологическом отношении. Они несут в самих себе начала, заставляющие получать и проникать вглубь, начала материи и духа. Мужчина и женщина обретают внутреннее единство только в единстве своей мужской и женской полярности. Эта полярность составляет основу всякого созидания.

Женско-мужская полярность также является основой для межличностного созидания. Это очевидно проявляется в биологическом отношении, где единство спермы и яйцеклетки дает основу для рождения ребенка. Но и в чисто психической сфере дело обстоит не иначе; в любви между мужчиной и женщиной каждый из них рождается заново. (Гомосексуальное отклонение — это неспособность достижения поляризованного единства, и следовательно, гомосексуалист страдает от непреодолимого одиночества: этой беде подвержен и гетеросексуалист, не способный к любви.)

Та же самая полярность мужского и женского начала существует и в природе; не только как нечто очевидное в животных и растениях, но также и в полярности двух основных функций, функции получения и функции давания. Есть полярность земли и дождя, реки и океана, ночи и дня, тьмы и света, материи и духа. Эта идея прекрасно выражена великим исламским поэтом и мистиком Руми:

Никогда влюбленный не ищет один,
Не будучи иском своей возлюбленной.
Когда молния любви ударяет в сердце,
Знай, что в этом сердце уже есть любовь.
Когда любовь к богу возрастает в твоём сердце,
То, без сомнения, бог полюбил тебя.
Звуки рукоплесканий не в силах
Произвести одна рука без другой.
Божественная мудрость все предвидела
И она велит нам любить друг друга.
Потому что назначение каждой части мира
В том, чтобы образовать пару со своим суженым.
В глазах мудрецов Небо — мужчина, а Земля — женщина,
Земля хранит то, что изливается с Неба.
Когда Земле не хватает тепла, Небо его посылает.
Когда она утрачивает свою свежесть,
Небо ее возвращает и обновляет Землю.
Небо кружится по своим орбитам,
Как муж, заботящийся о благе жены своей.
И Земля занята работой вместе с хозяйками,
Помогает при родах и присматривает за младенцами.

Уважай Землю и Небо как наделенных мудростью,
Ибо они исполняют работу мудрецов.
Если двое не доставляют наслаждения друг другу,
Почему они льнут друг к другу подобно влюбленным?
Без Земли как зацветет цветок и дерево,
Но разве и Небо не дало им свое тепло и воду?
Как бог вложил желание в мужчину и женщину,
Чтобы продолжать мир от их союза,
Так внушил он каждой части существования,
Чтобы она желала другой части.
День и Ночь по виду враги,
Однако оба служат одной цели.
Любят друг друга ради совершения общего дела.
Без Ночи природа человека не получала бы того
Богатства, которое тратит День⁹.

Проблема женско-мужской полярности требует дальнейшего рассмотрения темы любви и пола. Я уже говорил прежде об ошибке Фрейда, который видел в любви исключительно выражение — или сублимацию — полового инстинкта вместо того, чтобы признать, что половое желание лишь проявление потребности в любви и единстве. Но ошибка Фрейда лежит глубже. В соответствии со своим физиологическим материализмом он видит в половом инстинкте результат заданного химическими процессами напряжения в теле, причиняющего боль и ищущего облегчения. Цель полового желания состоит в устранении этого болезненного напряжения; половое удовлетворение состоит в достижении такого устранения. Этот взгляд имеет основание в том смысле, что половое желание действует тем же путем, что и голод или жажда, когда организм не получает достаточного питания. Половое желание, согласно данной концепции, — это страстное томление, а половое удовлетворение устраняет это томление. На деле же, если принять эту концепцию сексуальности, то идеалом полового удовлетворения окажется мастурбация. Что Фрейд достаточно парадоксально игнорирует, так это психобиологический аспект сексуальности, женско-мужскую полярность и желание преодолеть эту полярность путем единения. Этой странной ошибке, вероятно, содействовал крайний патриархализм Фрейда, который вел его к допущению, что сексуальность сама по себе является мужской, и, следовательно, заставлял его игнорировать специфически женскую сексуальность. Он выразил эту идею в работе «Три взгляда на теорию пола», говоря, что либидо имеет, как правило, мужскую природу, независимо от того, где либидо проявляется, в мужчине или женщине. Та же идея, в рационализированной форме, выражена в фрейдовской теории, где маленький мальчик воспринимает женщину как кастрированного мужчину, и что сама она для себя ищет различных компенсаций отсутствия

мужских гениталий. Но женщина — это не кастрированный мужчина, а ее сексуальность специфически женская и не относится к «мужской природе»

Половое влечение между полами только отчасти мотивировано необходимостью устранения напряженности, основу же ее составляет необходимость единства с другим полом. На деле эротическое влечение выражается не только в половом влечении. Мужественность и женственность наличествуют в характере, как и в половой функции. Мужской характер может быть определен как способность проникновения вглубь, руководства, активности, дисциплинированности и отважности; женский характер определяется способностью продуктивного восприятия, опеки, реализма, выносливости, материнства. (Следует всегда иметь в виду, что в каждом индивиде обе характеристики смешиваются, но с преобладанием тех черт, которые относятся к «ее» или «его» полу.) Очень часто, если черты мужского характера у мужчины слабы, потому что эмоционально он остался ребенком, он будет стараться компенсировать этот недостаток преувеличенным подчеркиванием своей мужской роли в сексе. Таков Дон Жуан, которому нужно было доказывать свою мужскую доблесть в сексе, потому что он не уверен в своей мужественности в плане характера. Когда недостаток мужественности имеет более крайнюю форму, основным — извращенным — заменителем мужественности становится садизм (употребление силы). Если женская сексуальность ослаблена или извращена — это трансформируется в мазохизм или собственничество.

Фрейд критиковали за такую оценку секса. Эта критика часто была вызвана желанием устранить из системы Фрейда элемент, который возбуждал критику и враждебность среди конвенционально мыслящих людей. Фрейд остро чувствовал эту мотивацию и по этой причине отверг всякую попытку изменить свою теорию пола. Действительно, в свое время теория Фрейда имела передовой и революционный характер. Но то, что было истинно для 1900 г., не является более истинным 50 лет спустя. Половые нравы изменились настолько сильно, что теория Фрейда никого больше не шокирует в средних классах Запада, и когда ортодоксальные аналитики сегодня все еще думают, что они смелы и радикальны, защищая фрейдовскую теорию пола, это представляет какую-то донкихотскую разновидность радикализма. На самом деле их направление психоанализа конформистское, и они даже не пытаются познать те психологические вопросы, которые повели бы к критике современного общества.

Моя критика теории Фрейда строится не на том, что он преувеличивал значение секса, а на том, что секс был понят им недостаточно глубоко. Он сделал первый шаг в открытии того значения, какое имеют страсти в межличностных отношениях, в согласии со своими философскими предпосылками он объяснил их фи-

зиологически. При дальнейшем развитии психоанализа возникает необходимость откорректировать и углубить фрейдовскую теорию, перенося внимание из физиологического измерения в биологическое и экзистенциальное измерения¹⁰.

2. Любовь между родителями и детьми

Младенец в момент рождения должен был испытывать страх смерти, если бы милостивая судьба не предохранила его от всякого осознания тревоги, связанной с отделением от матери, от внутриутробного существования. Даже уже родившись, младенец почти не отличается от себя такого, каким он был до момента рождения; он не может осознать себя и мир, как нечто существовавшее вне его. Он воспринимает только положительное действие тепла и пищи и не отличает еще тепло и пищу от их источника: матери. Мать — это тепло, мать — это пища, мать — это эйфорическое состояние удовлетворения и безопасности. Такое состояние, употребляя термин Фрейда, — это состояние нарциссизма. Внешняя реальность, люди и вещи, имеют значение лишь в той степени, в какой они удовлетворяют или фрустрируют внутреннее состояние тела. Реально только то, что внутри; все, что находится вовне, реально лишь в меру потребностей младенца, а не в смысле объективных собственных качеств.

Когда ребенок растет и развивается, он становится способным воспринимать вещи как они есть; удовлетворение в питании становится отличным от соска; грудь от матери. В конце концов ребенок воспринимает жажду, удовлетворение молоком, грудь и мать как различные сущности. Он научается воспринимать много других вещей как различные, имеющие свое собственное существование. С этой поры он учится давать им имена. Через некоторое время он учится обходиться с ними, узнает, что огонь горячий и причиняет боль, материнское тело теплое и приятное, дерево твердое и тяжелое, бумага светлая и рвется. Он учится обходиться с людьми: мать улыбается, когда я ем, она берет меня на руки, когда я плачу, она похвалит меня, если я облегчусь. Все эти переживания кристаллизуются и объединяются в одном переживании: я люблю. Я люблю, потому что я — ребенок своей матери. Я люблю, потому что я беспомощен. Я люблю, потому что я прекрасен, чудесен. Я люблю, потому что мать нуждается во мне. Это можно выразить в более общей

форме: я люблю за то, что я есть, или по возможности еще более точно: я люблю, потому что это я. Это переживание любви матерью — пассивное переживание. Нет ничего, что я сделал для того, чтобы быть любимым, материнская любовь безусловна. Все, что от меня требуется, это быть — быть ее ребенком. Материнская любовь — это блаженство, это покой, ее не нужно добиваться, ее не нужно заслуживать. Но есть и негативная сторона в безусловной материнской любви. Ее не только не нужно заслуживать, ее еще и нельзя добиться, вызвать, контролировать. Если она есть, то она равна блаженству, если же ее нет — это все равно как если бы все прекрасное ушло из жизни — и я ничего не могу сделать, чтобы эту любовь создать.

Для большинства детей в возрасте до 8-10 1/2 лет "проблема почти исключительно в том, чтобы быть любимым — быть любимым за то, что они есть. Ребенок младше этого возраста еще не способен любить; он благодарно и радостно принимает то, что он любим. С указанной поры в развитии ребенка появляется новый фактор: это новое чувство способности возбуждать своей собственной активностью любовь. В первый раз ребенок начинает думать о том, как бы дать что-нибудь матери (или отцу), создать что-нибудь — стихотворение, рисунок или что бы то ни было. В первый раз в жизни ребенка идея любви из желания быть любимым переходит в желание любить, в сотворение любви. Много лет пройдет с этого первого шага до зрелой любви. В конце концов ребенку (может быть, уже в юношеском возрасте) предстоит преодолеть свой эгоцентризм; другой человек утратит значение всего лишь средства для удовлетворения его собственных потребностей. Потребности другого человека становятся так же важны, как собственные — на деле же они становятся даже более важными. Давать становится куда более приятно, более радостно, чем получать; любить даже более важно, чем быть любимым. Любя, человек покидает тюрьму своего одиночества и изоляции, которые образуются состоянием нарциссизма и сосредоточенности на себе. Человек чувствует смысл нового единства, объединения, слиянности. Более того, он чувствует возможность возбуждать любовь своей любовью и ставит ее выше зависимости получения, когда любят его: из-за того, что он мал, беспомощен, болен или «хорош». Детская любовь следует принципу: «Я люблю,

потому что я люблю». Зрелая любовь следует принципу: «Я люблю, потому что я люблю». Незрелая любовь говорит: «Я люблю тебя, потому что я нуждаюсь в тебе». Зрелая любовь говорит: «Я нуждаюсь в тебе, потому что я люблю тебя».

С развитием способности любить тесно связано развитие объекта любви. Первые месяцы и годы — это тот период жизни, когда ребенок наиболее сильно чувствует привязанность к матери. Эта привязанность начинается с момента рождения, когда мать и ребенок составляют единство, хотя их уже двое. Рождение в некоторых отношениях изменяет ситуацию, но не настолько сильно, как могло бы казаться. Ребенок, хотя он теперь уже живет не в утробе, все еще полностью зависим от матери. Однако день за днем он становится все более независимым: он учится ходить, говорить, самостоятельно открывать мир; связь с матерью несколько утрачивает свое жизненное значение, и вместо этого все более и более важной становится связь с отцом.

Чтобы понять этот поворот от матери к отцу, мы должны принять во внимание существенное различие между материнской и отцовской любовью. Материнская любовь по самой своей природе безусловна. Мать любит новорожденного младенца, потому что это ее дитя, потому что с появлением этого ребенка решилось нечто важное, удовлетворились какие-то ожидания. (Конечно, когда я говорю здесь о материнской и отцовской любви, я говорю об «идеальных типах» — в понимании Макса Вебера или об архетипе в юнгианском понимании — и не полагаю, что каждая мать и отец любят именно так. Я имею в виду отцовское и материнское начало, которое представляю в личности матери и отца.) Безусловная любовь восполняет одно из глубочайших томлений не только ребенка, но и каждого человеческого существа; с другой стороны, быть любимым из-за собственных достоинств, потому что ты сам заслужил любовь, — это всегда связано с сомнениями: а вдруг я не нравлюсь человеку, от которого я хочу любви? А вдруг то, а вдруг это — всегда существует опасность, что любовь может исчезнуть. Далее, «заслуженная» любовь всегда оставляет горькое чувство, что ты любим не сам по себе, что ты любим только потому, что приятен, что ты в конечном счете не любим во все, а используем. Не удивительно, что все мы томимся по

материнской любви — и будучи детьми, и будучи взрослыми. Большинство детей имеют счастье получить достаточно материнской любви (в какой степени — это обсудим позднее). Взрослому человеку удовлетворить то же самое томительное желание намного труднее. При самых удовлетворительных условиях развития оно сохраняется как компонент нормальной эротической любви; часто оно находит выражение в религиозных, а чаще в невротических формах.

Связь с отцом совершенно другая. Мать — это дом, из которого мы уходим, это природа, океан; отец не представляет никакого такого природного дома. Он имеет слабую связь с ребенком в первые годы его жизни, и его важность для ребенка в этот период не идет ни в какое сравнение с важностью матери. Но, хотя отец не представляет природного мира, он представляет другой полюс человеческого существования: мир мысли, вещей, созданных человеческими руками, закона и порядка, дисциплины, путешествий и приключений. Отец — это тот, кто учит ребенка, как узнавать дорогу в мир.

С этой функцией тесно связана та, которая имеет дело с социально-экономическим развитием. Когда частная собственность возникла и когда она могла быть унаследована одним из сыновей, отец начал с нетерпением ждать появления сына, которому он мог бы оставить свою собственность. Естественно, что им оказывался тот сын, которого отец считал наиболее подходящим для того, чтобы стать наследником, сын, который был более всего похож на отца и, следовательно, которого он любил больше всех. Отцовская любовь — это обусловленная любовь. Ее принцип таков: «Я люблю тебя, потому что ты удовлетворяешь моим ожиданиям, потому что ты исполняешь свои обязанности, потому что ты похож на меня». В обусловленной отцовской любви мы находим, как и в безусловной материнской, отрицательную и положительную стороны. Отрицательную сторону составляет уже тот факт, что отцовская любовь должна быть заслужена, что она может быть утрачена, если человек не сделает того, что от него ждут. В самой природе отцовской любви заключено, что послушание становится основной добродетелью, непослушание — главным грехом. И наказанием за него является утрата отцовской любви. Важна и положительная сторона. Поскольку отцовская любовь обусловлена, то

я могу что-то сделать, чтобы добиться ее, я могу трудиться ради нее; отцовская любовь не находится вне пределов моего контроля, как любовь материнская.

Материнская и отцовская установка по отношению к ребенку соответствует его собственным потребностям. Младенец нуждается в материнской безусловной любви и заботе как физиологически, так и психически. Ребенок старше шести лет начинает нуждаться в отцовской любви, авторитете и руководстве отца. Функция матери — обеспечить ребенку безопасность в жизни, функция отца — учить его, руководить им, чтобы он смог справляться с проблемами, которые ставит перед ребенком то общество, в котором он родился. В идеальном случае материнская любовь не пытается помешать ребенку взрослеть, не пытается назначить награду за беспомощность. Мать должна иметь веру в жизнь, не должна быть тревожной, чтобы не заражать ребенка своей тревогой. Частью ее жизни должно быть желание, чтобы ребенок стал независимым и в конце концов отделился от нее. Отцовская любовь должна быть направляема принципами и ожиданиями; она должна быть терпеливой и снисходительной, а не угрожающей и авторитарной. Она должна давать растущему ребенку всевозрастающее чувство собственной силы и наконец позволит ему стать самому для себя авторитетом и освободиться от авторитета отца.

В конечном счете зрелый человек приходит к тому моменту, когда он сам становится и своей собственной матерью и своим собственным отцом. Он обретает как бы материнское и отцовское сознание. Материнское сознание говорит: «Нет злодеяния, нет преступления, которое могло бы лишить тебя любви, моего желания, чтобы ты жил и был счастлив». Отцовское сознание говорит: «Ты совершил зло, ты не можешь избежать следствий своего злого поступка, и если ты хочешь, чтобы я любил тебя, ты должен прежде всего исправить свое поведение». Зрелый человек внешне становится свободен от материнской и отцовской фигур, он строит их внутри себя. Однако вопреки фрейдовскому понятию «сверх-я» он строит их внутри себя, строя материнское сознание на основе собственной способности любить, а отцовское сознание на своем разуме и здравом смысле. Более того, зрелый человек соединяет в своей любви материнское и отцовское сознание, несмотря на то что они, казалось бы,

противоположны друг другу. Если бы он обладал только отцовским сознанием, он был бы злым и бесчеловечным. Если бы он обладал только материнским сознанием, он был бы склонен к утрате здравого суждения и препятствовал бы себе и другим в развитии.

В этом развитии от матерински-центрированной к отцовски-центрированной привязанности и их окончательном синтезе состоит основа духовного здоровья и зрелости. Недостаток этого развития составляет основную причину неврозов. Хотя более полное развитие этой мысли выходит за пределы данной книги, все же несколько кратких замечаний могут послужить пояснению этого утверждения.

Одну причину невротического развития можно обнаружить в том, что мальчик имеет любящую, но излишне снисходительную или властную мать и слабого и безразличного отца. В этом случае он может остаться зафиксированным на ранней привязанности к матери и развиваться в человека, который зависит от матери, чувствует свою беспомощность, обладает ярко выраженными чертами рецептивного характера, склонного подвергаться влиянию, быть опекаемым, нуждаться в заботе, и которому недостает отцовских качеств — дисциплинированности, независимости, способности самому быть хозяином своей жизни. Он может стараться найти «мать» в смысле авторитета и власти в ком угодно — как в женщинах, так и в мужчинах. Если же, с другой стороны, мать холодна, неотзывчива и властна, он может перенести потребность в материнской опеке на своего отца и на последующие отцовские образы — в этом случае конечный результат схож с предыдущим. Или он разовьется в человека, односторонне ориентированного на отца, полностью подчиненного принципам закона, порядка и авторитета и лишённого способности ожидать и получать безусловную любовь. Это развитие будет все усиливаться, если отец авторитарен и в то же время сильно привязан к сыну. Что характерно для всех невротических развитий — так это то, что одного начала — или отцовского, или материнского — недостаточно для развития. А в случае более тяжелого неврастического развития роли матери и отца смешиваются в отношении человека к своим внешним проявлениям и в отношении человека к этим внутренним ролям. Дальнейшее исследование может показать, что определенные типы неврозов, как, на-

пример, маниакальный невроз, развиваются в большей степени на основе односторонней привязанности к отцу, тогда как другие типы вроде истерии, алкоголизма, неспособности утверждать себя и бороться за жизнь реалистически, а также депрессии являются результатом центрированности на матери.

3. Объекты любви

Любовь — это не обязательно отношение к определенному человеку, это установка, ориентация характера, которая задает отношения человека к миру вообще, а не только к одному «объекту» любви. Если человек любит только какого-то одного человека и безразличен к остальным близким, его любовь — это не любовь, а симбиотическая зависимость или преувеличенный эгоизм. Большинство людей все же уверены, любовь зависит от объекта, а не способности. Они даже уверены, что это доказывает силу их любви, раз они не любят никого, кроме «любимого» человека. Здесь то же заблуждение, о котором уже упоминалось выше. Поскольку они не понимают, что любовь — это активность, сила духа, они думают, что главное — это найти правильный объект, а дальше все пойдет само собой. Эту установку можно сравнить с установкой человека, который хочет рисовать, но вместо того чтобы учиться живописи, твердит, что он просто должен дожидаться правильного объекта, и когда найдет его, то будет рисовать великолепно. Но если я действительно люблю какого-то человека, я люблю всех людей, я люблю мир, я люблю жизнь. Если я могу сказать кому-то «я люблю тебя», я должен быть способен сказать «я люблю в тебе все», «я люблю благодаря тебе весь мир, я люблю в тебе самого себя».

Мысль, что любовь — это ориентация, которая направлена на все, а не на что-то одно, не основана, однако, на идее, что не существует различия между разными типами любви, зависимиыми от видов любимого объекта.

● Братская любовь

Наиболее фундаментальный вид любви, составляющий основу всех типов любви, — это братская любовь. Под ней

я разумею ответственность, заботу, уважение, знание какого-либо другого человеческого существа, желание продлить его жизнь. Об этом виде любви идет речь в Библии, когда говорится: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Братская любовь — это любовь ко всем человеческим существам; ее характеризует полное отсутствие предпочтения. Если я развил в себе способность любви, я не могу не любить своих братьев. В братской любви наличествует переживание единства со всеми людьми, человеческой солидарности, человеческого единения. Братская любовь основывается на чувстве, что все мы — одно. Различия в талантах, образовании, знании не принимаются в расчет, главное здесь — идентичность человеческой сущности, общей всем людям. Чтобы испытать чувство идентичности, необходимо проникнуть вглубь — от периферии к центру. Если я постиг другого человека лишь поверхностно, я постиг только различия, которые разделяют нас. Если я проник в суть, я постиг нашу идентичность, факт нашего братства. Это связь центра с центром — а не периферии с периферией — «центральная связь». Или, как это прекрасно выразила Симона Вейл: «Одни и те же слова (например, когда мужчина говорит своей жене: «Я люблю тебя») могут быть банальными или оригинальными в зависимости от манеры, в какой они говорят. А эта манера зависит от того, из какой глубины человеческого существа они исходят, воля здесь ни при чем. И благодаря чудесному согласию они достигают той же глубины в том человеке, кто слышит их. Таким образом, слушающий, если он обладает хоть какой-либо способностью различения, различит истинную ценность этих слов»¹².

Братская любовь — это любовь между равными: но даже равные не всегда «равны». Как люди все мы нуждаемся в помощи. Сегодня я, завтра ты. Но потребность в помощи не означает, что один беспомощен, а другой всемогущ. Беспомощность — это временное состояние; способность обходиться собственными силами — это постоянное и общее состояние.

И все же любовь к беспомощному человеку, любовь к бедному и чужому — это начало братской любви. Нет достижения в том, чтобы любить человека одной с тобой крови. Животные любят своих детенышей и заботятся о них. Беспомощный любит своего господина, так как от него зависит

его жизнь, ребенок любит своих родителей, так как он нуждается в них. Любовь начинает проявляться, только когда мы любим тех, кого не можем использовать в своих целях. Примечательно, что в Ветхом завете центральный объект человеческой любви — бедняк, чужак, вдова и сирота и в конце концов национальный враг — египтянин и эдомитянин. Испытывая сострадание к беспомощному существу, человек учится любить и своего брата; любя себя самого, он так же любит того, кто нуждается в помощи, — слабое, незащищенное человеческое существо. Сострадание включает элемент знания и идентификации. «Вы знаете душу чужого, — говорится в Ветхом завете, — потому что сами были чужаками в земле Египта... поэтому любите чужого!»¹³

● Материнская любовь

Мы уже касались вопроса материнской любви в предыдущей главе, когда обсуждали разницу между материнской и отцовской любовью. Материнская любовь, как я уже говорил, — это безусловное утверждение жизни ребенка и его потребностей. Но здесь должно быть сделано одно важное дополнение. Утверждение жизни ребенка имеет два аспекта: один — это забота и ответственность, абсолютно необходимые для сохранения жизни ребенка и его роста. Другой аспект выходит за пределы простого сохранения жизни. Это установка, которая внушает ребенку любовь к жизни, которая дает ему почувствовать, что хорошо быть живым, хорошо быть маленьким мальчиком или девочкой, хорошо жить на этой Земле! Два этих аспекта материнской любви лаконично выражены в библейском рассказе о творении.

Бог создал мир и человека. Это соответствует простой заботе и утверждению существования. Но бог вышел за пределы этого минимального требования. Всякий день после творения природы — и человека — бог говорит: «Это хорошо». Материнская любовь на этой второй ступени заставляет ребенка почувствовать, как хорошо родиться на свет; она внушает ребенку любовь к жизни, а не только желание оставаться жизнеспособным. Та же идея может быть выражена и другим библейским символом. Земля обетованная (земля — это всегда материнский символ) описана как «изобилующая молоком и медом». Молоко — это символ перво-

го аспекта любви, заботы и утверждения. Мед символизирует радость жизни, любовь к ней и счастье быть живым. Большинство матерей способны дать «молоко», но лишь меньшинство дает также «мед». Чтобы быть способной давать мед, мать должна быть не только хорошей матерью, но и счастливым человеком — а эта цель достигается немногими. Воздействие матери на ребенка едва ли может быть преувеличено. Материнская любовь к жизни так же заразительна, как и ее тревога. Обе установки имеют глубокое воздействие на личность ребенка в целом: среди детей и взрослых можно выделить тех, кто получил только «молоко», и тех, кто получил и «молоко», и «мед».

В противоположность братской и эротической любви, которые являются формами любви между равными, связь матери и ребенка — это по самой своей природе неравенство, где один полностью нуждается в помощи, а другой дает ее. Из-за альтруистического, бескорыстного характера материнская любовь считается высшим видом любви и наиболее священной из всех эмоциональных связей. Представляется все же, что действительным достижением материнской любви является не любовь матери к младенцу, а ее любовь к растущему ребенку. Действительно, огромное большинство матерей — любящие матери, пока ребенок мал и полностью зависим от них. Большинство матерей хотят детей, они счастливы с новорожденным ребенком и погружены в заботу о нем. И это несмотря на то, что они ничего не получают от ребенка в ответ, кроме улыбки или выражения удовольствия на лице. Эта установка на любовь отчасти коренится в инстинктивной природе, которую можно обнаружить у самок как животных, так и людей. Но наряду с важностью инстинктивного фактора существуют еще специфически человеческие психологические факторы, ответственные за этот тип материнской любви. Один из них может быть обнаружен в нарциссистском элементе материнской любви. Ввиду того что ребенок воспринимается как часть ее самой, любовь и слепое обожание матери могут быть удовлетворением ее нарциссизма. Другие мотивации могут быть обнаружены в материнском желании власти или обладания. Ребенок, существо беспомощное и полностью зависимое от ее воли, — это естественный объект удовлетворения для женщины, властной и обладающей собственническими чертами.

Хотя эти мотивации встречаются часто, они, вероятно, все же менее важны и менее всеобщы, чем мотивация, которая может быть названа потребностью трансцендирования. Потребность в трансцендировании — одна из основных потребностей человека, корнящаяся в его самосознании. Он не удовлетворен своей ролью в сотворенном мире, он не может воспринимать себя в качестве игральной кости, наугад брошенной из кубка. Ему необходимо чувствовать себя творцом, выйти за пределы пассивной роли сотворенного существа. Есть много путей достижения удовлетворения творением; наиболее естественный и легкий путь достижения — это материнская забота и любовь к ее творению. Она выходит за пределы себя в ребенке, ее любовь к нему придает значение и смысл ее собственной жизни. (В самой неспособности мужчины удовлетворить свою потребность в трансцендировании посредством рождения детей заключена его страстная потребность выйти за пределы себя в творениях рук своих и идей.)

Но ребенок должен расти. Он должен покинуть материнское лоно, оторваться от материнской груди, наконец, стать совершенно независимым человеческим существом. Сама сущность материнской любви — забота о росте ребенка — предполагает желание, чтобы ребенок отделился от матери. В этом основное ее отличие от любви эротической. В эротической любви два человека, которые были разделены, становятся едины. В материнской любви два человека, которые были едины, становятся отдельными друг от друга. Мать должна не просто терпеть, а именно хотеть и поддерживать отделение ребенка. Именно на этой стадии материнская любовь превращается в такую трудную задачу, потому что требует бескорыстности, способности отдавать все и не желать взамен ничего, кроме счастья любимого человека. Именно на этой стадии многие матери оказываются не способны решить задачу материнской любви. Нарциссистская, властная, с собственнической установкой женщина может успешно быть любящей матерью, пока ребенок мал. Но только действительно любящая женщина, для которой больше счастья в том, чтобы отдавать, чем в том, чтобы брать, которая крепко укоренилась в своем собственном существовании, может быть любящей матерью, когда ребенок начинает отделяться от нее.

Материнская любовь к растущему ребенку, любовь, которая ничего не желает для себя, — это, возможно, наиболее трудная форма любви из всех достижимых и наиболее обманчива из-за легкости, с которой мать может любить своего младенца. Но именно потому, что это трудно, женщина может стать действительно любящей матерью, только если она способна любить вообще; если она способна любить своего мужа, других детей, чужих людей, всех людей. Женщина, которая не в состоянии любить в этом смысле, может быть нежной матерью, пока ребенок мал, но она не может быть любящей матерью, чья задача в том, чтобы быть готовой перенести отделение ребенка и даже после отделения продолжать любить его.

● Эротическая любовь

Братская любовь — это любовь между равными; материнская любовь — это любовь к беспомощному существу. Как бы они ни отличались друг от друга, общее у них то, что они по своей природе не ограничиваются одним человеком. Если я люблю своего брата, я люблю всех своих братьев; если я люблю своего ребенка, я люблю всех своих детей; более того, я люблю всех детей, всех, кто нуждается в моей помощи. Противоположность обоим этим типам любви составляет эротическая любовь; она жаждет полного слияния, единства с единственным человеком. Она по самой своей природе исключительна, а не всеобща; к тому же, вероятно, это самая обманчивая форма любви.

Прежде всего ее часто путают с бурным переживанием «влюбленности», внезапного крушения барьеров, существовавших до этого момента между двумя чужими людьми. Но, как было отмечено ранее, это переживание внезапной близости по самой своей природе кратковременно. После того как чужой станет близким, нет больше барьеров для преодоления, нет больше неожиданного сближения. Любимого человека познаешь так же хорошо, как самого себя. Или, может, лучше сказать — познаешь так же мало, как самого себя. Если бы познание другого человека шло вглубь, если бы познавалась бесконечность его личности, то другого человека никогда нельзя было бы познать окончательно — и чудо преодоления барьеров могло бы повторяться каждый

день заново. Но у большинства людей познание собственной личности, так же как и познание других личностей, слишком поспешное, слишком быстро исчерпывается. Для них близость утверждается прежде всего через половой контакт. Поскольку они ощущают отчужденность другого человека прежде всего как физическую отчужденность, то физическое единство принимают за преодоление отчужденности.

Кроме того, существуют другие факторы, которые для многих людей означают преодоление отчужденности. Говорить о собственной личной жизни, о собственных надеждах и тревогах, показать свою детскость и ребячливость, найти общие интересы — все это воспринимается как преодоление отчужденности. Даже обнаружить свой гнев, свою ненависть, свою полную неспособность сдерживаться — все это принимается за близость. Этим можно объяснить извращенное влечение друг к другу, которое в супружеских парах часто испытывают люди, кажущиеся себе близкими только тогда, когда они находятся в постели или дают выход своей взаимной ненависти и ярости. Но во всех этих случаях близость имеет тенденцию с течением времени сходиться на нет. В результате — поиски близости с новым человеком, с новым чужим. Опять чужой превращается в близкого, опять напряженное и сильное переживание влюбленности. И опять она мало-помалу теряет свою силу и заканчивается желанием новой победы, новой любви — при иллюзии, что новая любовь будет отличаться от прежних. Этим иллюзиям в значительной степени способствует обманчивый характер полового желания.

Половое желание требует слияния, но физическое влечение основывается не только на желании избавления от болезненного напряжения. Половое желание может быть внушено не только любовью, но также и тревогой и одиночеством, жаждой покорять и быть покоренным, тщеславием, потребностью причинять боль и даже унижать. Оказывается, половое желание вызывается или легко сливается с любовью другой сильной эмоцией, лишь одной из которых является любовь. Из-за того что половое желание в понимании большинства людей соединено с идеей любви, они легко впадают в заблуждение, что они любят друг друга, когда их физически влечет друг к другу. Когда желание полового смятения вызвано любовью, то физическая близость лишена жад-

ности, потребности покорять или быть покоренным, но исполнена нежности. Если желание физического соединения вызвано не любовью, если эротическая любовь еще не дополняется братской любовью, это никогда не поведет к единству, которое было бы чем-то большим, чем оргиастическое преходящее единение. Половое влечение создает на краткий миг иллюзию единства, однако без любви это единство оставляет чужих такими же чужими друг другу, какими они были прежде. Иногда оно заставляет их стыдиться и даже ненавидеть друг друга, потому что, когда иллюзия исчезает, они ощущают свою отчужденность еще сильнее, чем прежде. Нежность не означает, как думал Фрейд, сублимацию полового инстинкта; это прямой результат братской любви, и она присутствует как в физической, так и в нефизической формах любви.

В эротической любви есть предпочтительность, которой нет в братской и материнской любви. Этот предпочтительный характер эротической любви требует дальнейшего рассмотрения. Часто предпочтительность эротической любви неверно интерпретируется как привязанность, основанная на обладании. Нередко можно найти двух людей, влюбленных друг в друга и не испытывающих любви больше ни к кому. На самом деле их любовь — это эгоизм двоих. Два человека отождествляются друг с другом и решают проблему одиночества, увеличивая единичную индивидуальность вдвое. Они достигают чувства преодоления одиночества, однако, поскольку они отделены от всего остального человечества, они остаются отделенными и друг от друга, и каждый из них отчужден от самого себя. Их переживание единства — иллюзия. Эротическая любовь делает предпочтение, но в другом человеке она любит все человечество, все, что есть живого. Она предпочтительна только в том смысле, что я могу соединить себя целиком и прочно только с одним человеком. Эротическая любовь исключает любовь к другим только в смысле эротического слияния, полного соединения во всех аспектах жизни, но не в смысле глубокой братской любви.

Эротическая любовь как любовь имеет одну предпосылку. Что я люблю глубинной сутью моего существа и воспринимаю в другом глубинную суть его или ее существа. В сущности, все человеческие существа одинаковы. Мы все

часть единства, мы — единство. А раз так, то не должно быть никакой разницы, кого любить. Любовь должна быть, по существу, актом воли, решимостью полностью соединить жизнь с жизнью другого человека. На этом построено рациональное обоснование идеи нерасторжимости брака, как и обоснование многих форм традиционного брака, в котором два партнера никогда сами не выбирают друг друга, за них выбирают другие, и однако ж, ожидается, что они будут друг друга любить. Для современной западной культуры эта идея оказалась от начала и до конца неприемлемой. Считается, что любовь должна явиться результатом спонтанной, эмоциональной вспышки, внезапно возникшего непреодолимого чувства. С этой точки зрения важны только характерные особенности двух захваченных порывом индивидов — а не факт, что все мужчины — часть Адама, а все женщины — часть Евы. Эта точка зрения не желает видеть такого важного фактора эротической любви, как воля. Любовь к кому-либо — это не просто сильное чувство, это решимость, это разумный выбор, это обещание. Если бы любовь была только чувством, то не было бы основания обещать любить друг друга вечно. Чувство приходит и уходит. Как я могу знать, что оно останется навечно, если мое действие не включает разумного выбора и решения?

Принимая во внимание все эти точки зрения, можно было бы прийти к заключению, что любовь — это исключительно акт воли и обязательства, и поэтому в корне безразлично, каковы два человека. Устраивался ли брак другими или он результат индивидуального выбора; однажды этот брак заключен, и акт воли должен гарантировать продолжение любви. Такой взгляд, как представляется, не учитывает парадоксального характера человеческой природы и эротической любви. Мы все — единство, однако каждый из нас — уникальное неповторимое существо. В наших отношениях с другими повторяется тот же парадокс. Так как все мы — одно, мы можем любить каждого человека братской любовью. Но ввиду того что все мы еще и различны, эротическая любовь требует определенных особенностей, в высшей степени индивидуальных элементов, которые наличествуют у отдельных людей, но не у всех.

Обе точки зрения — одна, что эротическая любовь — это от начала до конца уникальное индивидуальное влече-

ние двух определенных людей, а другая, что эротическая любовь не что иное, как акт воли, — верны. Или, если выразиться более точно, — неверна ни та ни другая. Так, идея, что отношения могут быть легко расторгнуты, если они безуспешны, ошибочны в той же мере, как и идея, что отношения не должны быть расторгнуты ни при каких обстоятельствах.

Продолжение следует

ПРИМЕЧАНИЯ

Теория любви

¹ См. более подробное исследование садизма и мазохизма в кн.: Fromm E. *Escape from Freedom*. — New York, 1941.

² См.: Спиноза. *Этика*. — IV. — Деф. 8.

³ См. более подробный анализ этих ориентаций характера в кн. Fromm E. *Man for Himself*. — New York, 1947. — P. 54—117.

⁴ Ср. определение радости у Спинозы.

⁵ *Nationalökonomie und Philosophie*, 1844, published in: Marx Karl. *Die Frühschriften*. — Stuttgart, 1953. — P. 300, 301

⁶ Пророчество Ионы. — IV. — 10, 11

⁷ Бабель И. *Жизнеописание Матвея Родионовича Павличенки*.

⁸ Приведенное утверждение имеет важное значение при оценке роли психологии в современной западной культуре. Хотя огромная популярность психологии свидетельствует об интересе к познанию человека, она также выдает фундаментальный недостаток любви в человеческих отношениях нынешнего времени. Психологические знания, таким образом, становятся заменителем полного знания в акте любви вместо того, чтобы быть шагом к нему.

⁹ Nicholson R. A. *Rumi*. — London, 1950. — P. 122—123.

¹⁰ Фрейд сам сделал первый шаг в этом направлении к своей поздней концепции инстинктов жизни и смерти. Его концепция творческого начала (эроса) как источника синтеза и объединения совершенно отлична от его концепции либидо. Но несмотря на то что теория инстинктов жизни и смерти принята ортодоксальными аналитиками, это не повело к фундаментальному пересмотру концепции либидо, особенно где дело касается клинической работы.

¹¹ Сравните описание этого развития у Салливэна в кн. *The Interpersonal Theory of Psychiatry*. — New York, 1953.

¹² Weil Simone. *Gravity and Grace*. — New York, 1952. — P. 117.

¹³ Та же идея была выражена Германном Козном в его *Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums*. — Frankfurt am Main, 1929. — P. 168.

РЕДАКЦИОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

В саду размышлений
(Диалог времен и народов) *

Теплов Н. Г. НАСТАВЛЕНИЕ
СЫНУ. 1768 года. Спб.

IX. Не будь безумен
в страсти любовной

Любовь или страсть любовная есть самая приятнейшая и самая безумнейшая из страстей. Древние имея такую же склонность к ней как и мы, а не имея просвещения в вере, сделали из любви особливое божество: и не удивительно: они сластолюбие почитали за верх человеческого блаженства. Любовь хотя и слепа, однакож всегда обитает в очах, и самые гордые сердца ей покоряются. Все это живет одушевленно, то пребывание свое ей долженствует. Она не имеет уважения ни к полу, ни к летам. Когда она представляется в прямом своем виде, тогда она блистает в юности, но когда она хочет показаться насмешливою, тогда она разогревает сердца престарелых. Притом она замысловата, и часто делает невозможное возможным, труса делает храбрым, скупого чивым, гордаго снисходительным, а разумнаго дураком

* Начало рубрики см № 7 серии «Философия и жизнь» за 1990 г

СОБРАНИЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ ИЛИ ПЛОДЫ УЕДИНЕНИЯ

В Спб. 1772 года

III. Разность между любви и дружбы

Любовь с дружбою от одного рода, токмо одна с левой стороны, а другая с правой: потому что первая будучи дитя порока, имеет следствием жесткость, и со временем проходит; напротив того дружба из текает от добродетели, берет себе за предмет честь, и время от времени возрастает. Щастлив, кто нашел хорошаго друга, а мудр, кто онаго умеет сохранить. Что принадлежит до различных действий любви и дружбы, повесть Титуса Квинта Вульпия, благороднаго римлянина и Гиссииппа, афинскаго гражданина, читаю я любопытнейшею, в разсуждении чрезвычайных и чудесных ей приключений. Афинское училище было некогда славнейшим на свете. Юность стекалася туда от всюду для изучения словестных наук, Титус Квинт Вульпий был из числа тех учащихся. Во время пребывания своего там познакомился он; а после свел тесную дружбу с Гиссииппом, человеком достойным и весьма богатым. Скоро восприняли оные два знакомца толь нежное дружество, что казалось обитала в них обоих одна душа. Гиссиипп, влюбившийся в некоторую Софронию, девицу, так история гласит, редкой красоты, простер любовь свою до того, что начал ее склонять в супружество за себя. И как с ея стороны получил на то согласие: то назначен был день для бракосочетания. Все способствовало желаниям Гиссииппа: только он не почитал себя со всем щастливым, пока не уведомит о благополучии своем Титуса, сего другава Самого-себя. Известив ему о том, повел его чрез несколько дней с собою к красавице. Оной больше друг нежели любовник представил Титуса Софронии, которая коль скоро увидела младого Римлянина: то возчувствовала без всякой причины омерзение к дружбе сих двух искренних сердец; ибо Титус с самой первой минуты смертельно влюбился

в прекрасную Гречанку, и находясь у нее тревожен был с одной стороны движением любви; а с другой дружбою, так сильно, что впал от того в болезнь. Поставлял он за чрезмерное без чести изменить другу в таком важнейшем деле, как любовь, и тогда же измерял возможность сопротивляться прелестям красавицы. Сии различные действия подкрепляли горький дух его, и замешательство открылось об источнике оных, погрузили жизнь его в опасное состояние. Гиссипп проведая о его болезни крайне опечалился; да скоро услышал от лекарей, что смерть Титусу неизбежна: есть ли будет он долее упрямыться сказать причину задумчивости, от которой происходит вся скорбь его.

Сей совместный друг, то есть Титус, хотя и клялся другу своему, убеждал будучи усиленно онаго прозьбою, сделать ему доверенность о своих мучениях; но как много к исполнению того ни стремился: однакож отчаяние склонить Гиссиппа на свою сторону усугубляя токмо болезнь его, довело его до самой крайности. Не пристойностью почитал он для благородного Римлянина, открыть свою слабость и нарушить нежность верного дружества признанием лютой и непозволительной страсти. Вдруг раскаявался о том, что свел с Гиссиппом толь тесную дружбу: то опять упрекал себя изменою, к которой привлекло его насилие любви.

На конец, как любовь нахальнее дружбы, Титус думая себя при конце жизни, сказал Гиссиппу вину своей гибели, и признавался в преступлении своем с таким смущением и печалью, что Гиссипп возымел столь много сожаления о плачевном и опасном состоянии сего нескромного друга, колело ощущал горячности к Софронии.

Между тем откровение Титуса повергло Гиссиппа в крепкое иступление, от чего пребыл он несколько времени в глубоком молчании, излучая непрестанно тяжкие вздохи.

Любовь боролась в душе его с дружбою, а искреннее дружество с любовью к предмету его: и так не знал он к чему вознамериться, смерти ли лучше желать другу, или оставить любезную свою? Разум предстательствовал о друге, а сердце держало сторону милой Софронии...

ФИЛОСОФСКИЯ РАЗСУЖДЕНИЯ.

В Санктпетербурге 1773 года

I. О состоянии и качестве любви

Вы желаете, милостивая государыня, чтоб я вам философски изъяснил, что есть любовь и коликих она родств; так же в чем разнествуует она дружбы. Достоинно, чтоб вы узнали вещь, коя вам приятнейшим своим одолжена существом и которая всегда достойна того, чтоб вы самы собою ее познавать научились. Вы знаете, что нынешнего времени мудрецы восхваляют наипаче опыт. Но он вам кажется весьма опасен; а потому что вы желаете охотнее вступить в описание не заключающее в себе никакой практики, нежели в опасность искусства, то я принужден буду (?) чание мое прекратить; будучи не в состоянии учинить оное приятнейшим. Горе тому который любви достойной девице наскучить может, когда разговаривает с нею о любви.

Наименование любви двусмысленно. Она в кратце значит тоже, что произведение или деяние любви, каким бы образом впрочем она ни совершилась. Так например называется отцовская любовь, любовь ближнего и так далее. Но наипаче сие слово в совершенном своем смысле посвящено тому, чтоб изъяснить страсть, которую один род к другому чувствует, те пылкия духа движения, которые красота рождает ту нежную склонность, которую заслуга и достоинство в нас вселяет и содержит, ту непорочную покорность, за которую вы взаимною любовью платить необязаную себя признаваете: словом, сие чувство, о котором я вам вместо любовника как унылой Философ упомянуть должен.

Любовь есть вообще та страсть, которую в нас возбуждает предмет, в коем мы нечто примечаем, кое нам нравится. А сия вещь тогда нам нравится, когда в нас производит ту чувствительность, которую называют удовольствием. И понеже точно доказывают, что увеселение в нас рождается

при взгляде токмо на какия-нибудь совершенства, хотябы они были истинныя, или токмо мнимыя; то из чего следует, что мы те только любим вещи, в коих нечто совершенное примечаем, и сие то есть всех родов любви всеобщее произведение. Но сия склонность души, весьма многообразна, и происходит от различного качества предметов, которые ее возбуждают. Ибо мы можем, любить как одушевленные существа, так и бездушныя вещи.

Любовь, которую мы к одушевленному существу, то есть к человеческому роду имеем, состоит в удобной склонности души нашей к наслаждению совершенством вещи. В сем случае, милостивая государыня, могу еще сослаться на собственное искусство ваше. Какого находите вы по чувствам отца, какую мать, какую приятельницу. Вы чрезмерно радуетесь при взгляде на их благополучие, и усердно желаете видеть оное долговременным. Для вас, нет вожделеннейшаго удовольствия, как привести оное в лутшее состояние, чем искреннее их любите. Напротив, того соболезнуете о злополучии, кое им приключается, и ничего не упускаете, чем бы их от оного свободить; все еще есть токмо следствие того состояния души вашей, коя их благополучием наслаждаться заставляет. И так я основание имею сказать, что любовь состоит единственно в сем души состоянии. Она раждается с вами либо от соединения крови, по коему представляет в себе отца и мать как части собственныя вашей особы, либо происходит от благодарности или напоследок от такого чего-нибудь, кое вам в другой персоне так понравилось, что вы склонились быть ея приятельницею.

Любовь к бездушным тварям есть ничто иное, как удобосклонность души чтобы оными наслаждаться. Вы повседневно можете примечать, что вы нечто бездушное любите, как скоро в нем что-нибудь усматриваете, оное к тому способным познаваете. Так вы на примере скажете: я люблю музыку, или согласие, за тем что вы в концерте чувствуете удовольствие.

Из сих двух родов любви составлена та, коя в одно и тоже время столь много похваляется и столь много опасна быть кажется. Она есть такой прелестной обоих полов союз, и такая страсть, которую вы поневоле без всякой трудности чувствуете...

В. А. Поссе. НА ТЕМЫ ЖИЗНИ.
С-Петербург, Невский пр., 40.
Издательство «Вестника знания». 1909.

.....

«Вечно-женское»

Чем люди живы? Толстой отвечает: любовью.

Для большинства людей любовь — предпочтение одного или нескольких людей остальным.

Для Толстого предпочтительнее — не любовь.

«Страсть предпочтения одних людей другим, называемая неверно любовью, есть только дичок, на котором может быть привита истинная любовь и дать плоды ея».

Я полагаю, что без «дичка», без «предпочтения» вообще не могла и не может развиваться та высокая, «разумная» любовь, которую Толстой считает основой истинной и вечной жизни.

Но не всякий дичок, не всякое предпочтение годно для прививки разумной любви.

Предпочтением, наиболее способным развиваться в истинную любовь, является материнский инстинкт, материнская привязанность к детям. Мать живет радостями и страданиями детей. В материнской любви прежде всего зарождаются сострадание и гордость, а в них сущность всякой, самой высокой, самой разумной любви.

Много, много лет тому назад я присутствовал при разговоре матери с сыном-монахом.

Сын говорил, что любовь к родителям и любовь к детям мешают любви к Богу и ко всем людям.

— Неправда, — уверенно отвечала мать. — В тот момент, как я услышала твой первый крик и увидела твое маленькое жалкое тельце, меня вдруг охватила любовь и к Богу, и ко всем людям.

Но материнский инстинкт проявляется и у тех женщин, которые остаются бездетными и девушками.

Зародыши его имеются и в душе мужчины.

Он там, где есть инстинктивное чувство радости и страдания других.

На низшей ступени сострадание и сорадость являются лишь при виде страдания и радости детей; затем — при виде близких; на высшей ступени — сорадость и сострадание ко всем живым существам.

Любовь, вытекающая из материнского инстинкта, может быть названа «вечно-женским».

Это «вечно-женское» не должно быть чуждо и мужчине. Да подымется его чувство до материнской любви лучших женщин. Да разовьются в нем сострадание и сорадость! Да превратится вечно-женское в вечно-человеческое!

Только ничтожный мужчина гордится тем, что он не женщина. Только неразумная женщина жалеет, что она — не мужчина. Если говорить о преклонении одного пола перед другим, то мужчина должен преклониться перед женщиной, ибо она — мать.

Пусть русские женщины ярко и сильно проявят себя, как женщины-матери, которым дороже всего благо подрастающих поколений.

Пусть оне поднимут свой голос на защиту детей и на защиту своих поруганных сестер.

В данный момент их может объединить только сострадание, но пожелаем, чтобы сострадание пробило путь сорадости, сорадости, в которой объединятся и женщины, и мужчины.

И хочется крикнуть:

Будем теперь страдать глубже, чтобы сильнее и глубже была радость наших детей.

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

Мед и яд любви (Семья и любовь на сломе времени). — М.: Молодая гвардия, 1990. — Так называется новая книга писателя и социолога Ю. Б. Рюрикова, выпущенная в издательстве «Молодая гвардия» в 1990 г.

Эта книга о вечном и новом в любви, о том, чем именно отличается любовь от влюбленности, о том, кто из нас способен, а кто не способен любить.

Здесь, как отмечается в предисловии к книге, идет речь о небывалых кризисах любви и семьи, о болезненных переменах в современной психологии, о царящей у нас «докультуре» личных отношений и о первых ростках новой, спасительной культуры.

Ю. Б. Рюриков рассказывает о разных видах любви, непохожих друг на друга, о том, как зависят они от человеческого характера, о новых классификациях темперамента и характера. В книге говорится и о новых основах супружества, которые сейчас создаются, о законах семейной совместности и других «спасательных кругах» от наших бед.

«Любовь и семья — пересечение всех мировых сил, которые правят жизнью, зеркало всех перемен, которые идут в человечестве. И чтобы по-настоящему понять, что происходит в любви и семье, надо, наверно, понять, что делается в устоях цивилизации, в глубинах социальной жизни: личные судьбы можно по-настоящему постичь только через планетные призмы.

Три домokловых меча нависли сейчас над человечеством, — пишет Ю. Б. Рюриков, — и каждый следующий мы осознаем хуже предыдущего. Это меч атомной смерти, меч экологической гибели и меч эгоизации людей, их нравственного вырождения. Все они выкованы главными устоями нынешней цивилизации: промышленно-технической базой человечества, типом населения — нынешним городом, самим положением человека в укладе массовой цивилизации. И их, видимо, придется в корне переустраивать, создавать совершенно новую цивилизацию».

ПРОЧТИТЕ, ЭТО ИНТЕРЕСНО

В 1903 г. в Риге вышла книга «Язык цветов (Язык любви)». В предисловии к ней издатель А. А. Быков отмечает:

«Недаром говорит поэт, что в старину жилали деда веселей своих внучат. Тогда и любовь была не та, что теперь. Наши деды умели свои чувства облекать в поэзию, возвышать их и твердо помнили, что с милым рай и в шалаше. Нынешняя молодежь, а с ней и «все возрасты», которые тоже покорно подчиняются любви, ударились в черствый материализм. Поэтической любви предложили подать в отставку... Забыта поэзия, забыты и цветы, которыми усыпалась дорога к храму любви. А их так много, они так и рвутся к влюбленным сердцам, хотят вновь одарить их своим благоуханием, украсить своими пестрыми нарядами, хотят вновь напештывать недосказанные слова любви робким сердцам. Ведь они тоже владеют даром слова, даже более красноречивым, чем люди. Взгляните на скромный василек! Разве он не говорит: «Я скромн, но доволен собою, а довольство лучше богатства... Цветы говорят, а мы, люди, в циничном раздумье: выгодно ли нам полюбить?»

Цветы, помогите, смягчите сердца нашей расчетливой молодежи, кричите ей о любви бесконечной, всемогущей, святой, разбудите в ней уснувшие чувства дедов и бабок, напомним о былом счастье любви».

Цветы служили символами, с помощью которых выражали свои чувства.

Затем в книге рассказывается о том, что «говорит» тот или иной цветок. Например:

Абрикос (цветок): Могу ли я к тебе приблизиться?

—»— (листья): Ты восхищаешь меня своей нежной душой.

—»— (ветвь): Я молюсь на тебя.

Акация (цветы): Я предлагаю тебе дружбу.

—»— (лист): Я предлагаю искреннюю дружбу.

—»— (ветвь): Награда людская — это неблагодарность.

Алоэ (цветы): Ты так ревнива.

—»— (лист): Причинила мне страшные страдания.

Анютины глазки (цветы): Когда ты прекратишь мои мучения любви?

Артишок: Я раб твоих желаний.

Астра: Я люблю тебя искренне и преданно.

Базилика: Мы становимся все ближе и ближе.

Баклажан: Наслаждайся разумно.

Бальзамин: Ты прекраснейшая в своем роде.

Бархатка: Твое присутствие мешает всякому проявлению радости.

Белладонна: Ты хитра и лстива.

Береза (лист): Сядь ко мне поближе.

—»— (ветвь): Повинуйся мне и будь счастлива.

Боярышник: Ты для меня загадка.

Бузина: Я жду тебя, приходи скорее.

Белена (цветы): Уйди от меня!

—»— (ветвь): Твое присутствие причиняет мне муки.

Белокопытник: Молчанье — золото.

Бешеница: Истинная любовь не боится смерти.

Верба в цвету: Не медли никогда решением.

—»— (ветвь): Ты не удовлетворяешь меня.

Виноград (лист): Люби и наслаждайся жизнью.

Вишня еврейская: Где я освобожусь от твоих ужасных взоров?

—»— (цветы): Если ты меня действительно любишь, то протяни мне руку для вечного союза.

Волчья ягода: Ты хороша... и только...

Материал подготовлен редактором
серии Л. К. Кравцовой

СОДЕРЖАНИЕ

О жизни и творчестве Э. Фромма	3
Примечания	10
Эрих Фромм. Искусство любви	12
Предисловие Эриха Фромма к книге «Искусство любви»	12
I. Является ли любовь искусством?	13
II. Теория любви	17
1. Любовь — ответ на проблему человеческого существования	17
2. Любовь между родителями и детьми	37
3. Объекты любви	43
● Братская любовь	43
● Материнская любовь	45
● Эротическая любовь	48
Примечания	53
Редакционное приложение	54

Научно-популярное издание

Эрих Фромм

ИСКУССТВО ЛЮБВИ

(Исследование природы любви)

Выпуск первый

Гл. отраслевой редактор Ю. Н. Медведев

Редактор Л. К. Кравцова

Мл. редактор И. В. Яковлева

Худож. редактор М. А. Бабицева

Техн. редактор О. А. Найденова

Корректор Л. В. Иванова

ИБ № 11111

Сдано в набор 15.05.90. Подписано к печати 06.07.90. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,98. Уч.-изд. л. 3,69. Тираж 87 755 экз. Заказ 832. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101635, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 901008. Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Дорогой читатель! *Уч. 33-Р*
Брошюры этой серии в розничную продажу не
поступают, поэтому своевременно
оформляйте подписку.

Подписка на брошюры издательства «Знание»
ежеквартальная, принимается в любом
отделении «Союзпечати».

Напоминаем Вам, что сведения о подписке Вы
можете найти в «Каталоге советских газет
и журналов» в разделе «Центральные
журналы», рубрика «Брошюры издательства
«Знание»

ЗНАНИЕ

Цена подписки
на год

1 руб. 80 коп.

Издательство
«Знание»

Наш адрес:
СССР,
Москва,
Центр,
проезд Серова, 4